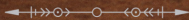

Колдвские
МИРЫ

Ирина фельдман

ИГРЫ
КОШАЧЬЕЙ БОГИНИ

ЕГИПЕТСКИЕ СТРАСТИ В СТАРОМ ЛОНДОНЕ!

Ирина Игоревна Фельдман

Игры кошачьей богини

Серия «Колдовские миры. Новое оформление»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70330984
Игры кошачьей богини: Эксмо; М.; 2024
ISBN 978-5-04-199405-1

Аннотация

Сходила в музей, называется! Хотела познакомиться с культурой Древнего Египта, а попала в Англию XIX века. По-настоящему, да ещё в тело молодого джентльмена. Как так получилось? В чём прикол? Ответы, как и путь домой, придётся искать самой. Но сначала надо адаптироваться к жизни викторианского Лондона и постараться не угодить в сети врагов. Ой, непросто это будет! Бенджамин Хант, кем я сейчас являюсь, успел кому-то перейти дорогу, а за мной пристально наблюдает кто-то из потустороннего мира. Но, оказывается, вернуть всё на свои места – не самая большая проблема. Как быть, если влюбилась в человека, который жил до твоего рождения?

Пять причин купить:

1. Если вы любите викторианскую Англию.
2. Если вы любите фильм «Мумия».

3. Если вам нравятся пары из отважных и дерзких на язык девушек и настоящих джентльменов.

4. Если вы хотите познакомиться с самым невероятным началом истории любви.

5. Если вы любите, когда ваши ожидания немного обманывают.

Содержание

Глава 1. Про кошек и собак	6
Глава 2. Я уеду жить в Лондон	23
Глава 3. Хорошее дело браком не назовут	40
Глава 4. Ревизорро	57
Глава 5. О вкусной и полезной пище	74
Глава 6. Старый новый друг	92
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Ирина Игоревна Фельдман

Игры кошачьей богини

© Фельдман И., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1. Про кошек и собак

«Господи, благодарю тебя за то, что этот сукин сын лишился рассудка!»

Отрывок из дневниковой записи Джона Ханта

Разогнавшийся троллейбус резко затормозил. Я крепче вцепилась в поручень, чтобы мои мощи не улетели в другой конец салона. Все места свободны, а любовь к катанию стоя у окошка у меня никто не отнимет.

– Детей везёт, не картошку, – проворчал Данька.

Не очень справедливое замечание. Моему двоюродному брату двенадцать лет, а мне уже восемнадцать стукнуло, значит, я типа как не дитя.

Мы выскочили на остановку. Я притормозила и выплюнула в мусорку жвачку, которой меня угостил брат. Чувствую, её умопомрачительный химический запах, именуемый «клубника-банан», ещё долго будет напоминать о себе.

– Варезка, – с укоризной позвал меня Данька.

Вообще-то по паспорту я Варвара Пономарёва, а Варезкой меня только члены семьи называют. В тусовке же меня знают как Юки.

– Да иду, иду.

Ускорившись, мы потопали дальше.

Блин, я так хотела поспать до полудня, но мы ж догово-

рились пойти в музей до обеда. Даньке не терпелось попасть на выставку, вот он и вытащил меня из постели телефонным звонком. Сама виновата, никто меня за язык не тянул, когда обещала мальцу, что отвезу его в центр города посмотреть на заморские диковины. Он у нас мальчик по нынешним меркам странный. В свободное время не режется в компьютерные игрушки и не сидит с бутылкой пива у подъезда, предпочитая более культурный досуг. С детского сада Данька любит читать, особенно его увлекают энциклопедии, и чем больше в них страниц, тем сильнее его восторг перед новыми знаниями. Даже в сети он сидит не в idiotских чатах, а на сайтах вроде «Википедии». Во как, а вы говорите, от интернета дети тупеют. На данный момент тащится по динозаврам и по древним египтянам и при любой удобной возможности читает окружающим лекции. Причем так упорядоченно и занимательно, что многие взрослые слушают его с неподдельным интересом. Молодец, одним словом, не то что я.

Краеведческий музей встретил нас яркими баннерами с изображениями золотой маски Тутанхамона и Анубиса. Может, я чего-то не понимаю, но такая завлекаловка выглядит неадекватно. Даже моих остаточных знаний хватит на то, чтобы сообразить, что погребальную маску известного фараона в нашу глушь не привезут. Да и Анубис – зловещее божество с головой шакала, помнится, бог смерти или чего-то с ней связанного. Позитив прёт.

Я еле сдержала разочарование, когда узнала стоимость би-

летов. В два раза больше, чем я рассчитывала! Ну ладно, не время жмотиться. Тем более, слава моей хитрожопости, стипендию мне будут исправно выплачивать. Не обеднею.

– Вы без взрослых? – насторожилась женщина на входе, принимая у меня купюры.

– Пф! – бряцая значками с анимешками, я достала из внешнего кармана сумки студенческий. – Я взрослая.

Да-да, взрослая. Маленькая, утопающая в мужской клетчатой рубашке, надетой поверх майки с надписью «I am Sherlocked», в драных джинсах и при этом с полной уголовной ответственностью.

– Сейчас сезон лагерей, детей толпами водят. Кошмар какой-то, – доверительно сообщила женщина.

Я уж не стала интересоваться, что именно здесь творят маленькие монстры. Данька не простил бы мне промедления.

Из холла мы прошли в первый зал.

Сто лет не была в этом музее. В первый и последний раз я его посетила во втором или третьем классе, и тёплых воспоминаний о нём у меня нет. Тут не было ничего интересного, только допотопные чучела животных нашей области да кубок, из которого якобы пил кто-то из царей. Зато наша классуха, Татьяна Пална, чуть голос не сорвала, пытаюсь собрать всех в кучу.

Древнеегипетские штучки здорово оживили атмосферу. У меня аж глаза разбежались от количества экспонатов, хотя я до последнего считала, что останусь равнодушна.

– Варь, ну куда ты несёшься? – Данька цапнул меня за рубашку. – Давай с самого начала смотреть.

И он повёл меня вдоль витрин. На таблички я почти не смотрела, на них всё равно почти не было полезной информации, к тому же братуха начал отжигать. Первым делом, пока мы стояли у беспонтового обломка стелы, он объяснил мне, почему некоторые иероглифы обведены овалом. Это называлось картуш, такая фиговинка, выделяющая имя фараона из всей записи, чтобы не сливалось с прочей абракадаброй.

– Я даже знаю, кто расшифровал иероглифы, – прихвастнула я. – Француз один. Шампиньон.

Данька посмотрел на меня как на неандертальца. Хотя нет, пожалуй, плохое сравнение. Неандертальца он рассматривал бы с большим уважением: первобытный человек, в отличие от меня, умел добывать огонь и убивать мамонтов, а это полезнее всех моих талантов вместе взятых.

– Варя, его звали Жан-Франсуа Шампольон. Шам-польён.

Стало немножко обидно. Как будто он старше, а не я.

Помолчу-ка в тряпочку. А то мой доморощенный вундеркинд всем растреплет, какая я тупая.

Следующие экспонаты были скучными. Для меня. Малой, в свою очередь, не торопился отходить от покоцанных вазочек и огрызков папирусов и вещал дальше. Оказывается, в Древнем Египте было дофига царских династий, и Данька

с умным видом соотносил конкретного фараона с его историческим периодом. Не знаю, возможно, где-то он ошибался, но пара посетителей специально подошли к нам поближе. Нет чтобы записаться в группу для цивилизованной экскурсии, на халяву и укус сладкий.

Я старалась выцепить что-нибудь интересное для себя. Что тут у нас? О, вот изображение какой-то знатной дамы (в табличке так и было указано: «Личность не идентифицирована»). Как у неё жирно подведены глаза, прям как у меня, только мои стрелки покороче. А на этом рисунке танцовщица с лицом в профиль сверкает драгоценностями и голой грудью.

– Детям до шестнадцати! – Я закрыла Даньке глаза руками, но он не оценил шутку. Вредина.

Why so serious?

Утомившись, я отошла немного подальше. Краем глаза заметила, что в соседнем зале выставлены мумии. Мелкие, животных, наверное, но всё же они гораздо интересней кусков камней.

Уйти туда или подождать брата?

Я вытащила из кармана плеер, привела в порядок наушники и, поборов желание погрузиться в мир музыки, положила обратно.

Экскурсовод поневоле обзавёлся единомышленниками и покидать зал явно не собирался.

Окей, пусть тусуется. Не зря же я столько денег отвалила

за билеты.

– Ты чего пялишься? – раздражённо обратилась я к статуэтке в виде чёрной кошки с нарисованным ошейником.

Покрытые тонкой сеточкой трещин жёлтые глаза мигнули, как фары.

Ничего себе! Теперь понятно, почему фигурка стоит отдельно и без стекла: это новодел со спецэффектами.

Сидит такая высокая, изящная. Головка круглая, хвост куда-то подевался... И всё равно притягательная.

«Примерно период правления XX династии, – гласила табличка. – Предположительно скульптура богини Бастет».

«Примерно», «предположительно». Да я тоже так могу!

Миндалевидные, почти человеческие глаза кошки вновь засветились, стали ярче. У меня дыхание перехватило от неожиданности.

Если это поделка для привлечения посетителей, зачем ей табличка? Да и где кнопка, Урри?

Воровато оглядевшись и убедившись, что никто не кинется на защиту музейного имущества, я взяла статуэтку в руки. Шершавая и такая тяжёлая, хоть и маленькая. И не идет от неё провода. Неужели на батарейках?

Кошачьи глаза засияли так сильно, что я зажмурилась и внезапно ослабевшими руками понесла древнюю богиню на место. На смену болезненному свету пришла мягкая тьма, сопровождаемая звуком, какой бывает, когда наполненная водой тяжёлая ваза опускается на поверхность стола.

Голова боли-и-ит... И тошни-и-ит. Вот приколы, сейчас глаза открою, а все вокруг меня прыгают, суетятся. Только Даньку жалко. Мне при нём никогда не было плохо. Я вообще в обморок до этого один-единственный раз в жизни падала. Когда в десятом классе болела гриппом и с температурой тридцать девять вылезла на кухню водички попить.

Стоп. А сейчас почему мне сплохело?

Я попыталась проморгаться. Мешая обзору, перед глазами плавали красные и чёрные пятна. Ох, как затылок болит, наверное, об пол со всего маху приложилась.

Кое-как села и приложила пальцы к голове. Липко!

Я даже не удивилась, увидев, что рука перемазана кровью. Упала, звезданулась – всё логично.

Пятна стали расплываться. Уже лучше.

Эй, а что с маникюром? Я же вчера накрасила ногти тёмно-синим лаком и мизинцы выделила ядовито-зелёным. Куда всё это делось?

Погодите, это же не мои руки. Не мои худющие лапки, а мужские!

Прикольный сон, что я могу ещё сказать. Если бы башка не трещала, было бы вообще супер.

И ведь реально – сон. Смотрю, лесочек вокруг меня такой красивый, птички вдалеке чирикают. Погулять бы, да плохо мне.

Я сделала глубокий вдох, от которого закружилась голова.

Фак, почему я прогуливала практические занятия по оказанию первой медицинской помощи? На паре лекций была и то вместо записей занималась рисованием. Вот и аукнулось мне моё разгильдяйство. Сижу теперь в лесу, помираю.

Нет, всё-таки не очень прикольный сон. Надо бы себя по щекам побить, но у меня тогда голова взорвётся на фиг.

Ох, кто тут так топает? Словно табун лошадиный... А и правда, лошадь. Пока одна, но и это не добавляет ситуации ничего хорошего.

– Эндрю, он здесь! – крикнул всадник в старинном охотничьем костюме. Ни дать ни взять английский денди. Я, наверное, на ролёвку попала. Точнее, она мне снится.

Он быстро спешился.

– Привяжи мою лошадь! – Молодой человек даже не взглянул на подоспевшего к нему второго всадника.

– Что... кто... – еле ворочая языком, выдала я.

– Боже! Что с тобой случилось? – Он сбросил с плеча ружьё и опустился передо мной на колени. Зря, штаны испачкает, а шмотки у него на заказ сшиты – в копеечку влетит его неосторожность. У меня глаз на косплей намётанный, я в таких вещах толк знаю.

А косплей-то и впрямь годный. Чуваку ужасно идёт костюм, у него даже моська как у какого-нибудь британского актёра. Не шибко смазливый, за этим типажом не бегают толпами девочки из средних классов. Зато с почти неуловимым иностранным шармом.

Так, отмотаем назад. Что со мной случилось? Да без понятия!

Подвывая на бегу, из кустов вылетела небольшая белая собака с чёрными и рыжими пятнами. Она замерла на месте, лаем возвестила о своём прибытии и подбежала к Эндрю, который, пристроив свою лошадь, занимался другой. Просто маленькое чудо! Всю жизнь мечтала о собаке, но мама всегда была резко против любых животных в доме.

– У тебя кровь, – сказал первый «ролевик».

Да вы что, Капитан Очевидность!

Он порылся в карманах, достал на свет несколько патронов и в последнюю очередь платок. Нет, он не Капитан Очевидность. Он возомнил себя доктором Хаусом.

Я сдавленно зашипела, когда он коснулся раны на голове.

– Брат, как это случилось?

– А ты кто? – ответила я вопросом на вопрос.

Ой-ой, голос совсем не мой. Низкий, несмотря на то что вроде очухалась. Неужели я действительно в мужика превратилась?!

Я хотела проверить странную догадку, убедившись в наличии кое-чего, но мой взгляд задержался на лице незнакомца. Глаза вылупил, будто призрака увидел.

– В... в смысле – кто? Я же твой брат, – неуверенно произнёс он.

– У меня нет братьев.

Данька не считается. Он двоюродный.

– Бен, это не смешно, – нахмурился парень.

– Джон, у твоего брата появилось чувства юмора? – с неправдоподобным весельем хохотнул Эндрю.

– Я вас не знаю, – заявила я.

На языке вертелось множество вопросов, но я не знала, с чего начать и, признаюсь, чуток стеснялась разговаривать с глюками. Вдруг я так долбанулась макушечкой, что у меня сознание помутилось? Всё вокруг нормальное, а я сижу, юродивую из себя строю?

Не радует меня перспектива пускать слюни в смирительную рубашку.

– А можно собачку погладить? – робко спросила я.

Мне показалось, что Джон побледнел.

– Это же твой щенок...

Вау! У меня в этой реальности есть собачка!

Пёсик радостно откликнулся на свист и, бешено виляя хвостом, запрыгнул мне на колени. Гладить пришлось одной рукой, на второй ещё не засохла кровь.

– Бенни, не пугай меня, – в голосе Джона прорезались истерические нотки. – Перестань! С тобой всё нормально, ты просто нас разыгрываешь.

– Ты сам-то не спятил? – прервал его Эндрю. – Он что, по-твоему, разбил себе голову, чтобы подшутить над нами? Чепуха! Да Бен, видать, с лошади упал. Где она, кстати?

Крутотень, у меня ещё и лошадка имеется.

Собака норовила вылизать меня до зеркального блеска,

чем очень мешала думать. Мысли разбегались от каждого движения непоседы.

Нет, ничего и никого похожего на собаку в музее не могло быть. Ощущение возни со щенком ни с чем не спутаешь. Это точно не галлюцинация.

А вдруг... вдруг я попала? Ну как в фантастических фильмах и книжках. Попала в другой мир? Умерла там или в кому впала. Лежу такая красивая в гробу или в больнице с трубкой в горле... А-а-а! Не-е-ет!

Наверное, у меня был слишком убитый вид, потому что Джон пару раз дёргано провёл рукой по моей спине, как человек, не умеющий ласкать.

– Не переживай. Ты ничего не забыл, просто тебе надо немного отдохнуть.

– А я читал одну занятную историйку. – Эндрю скрестил крепкие руки на груди, его клетчатая куртка чудом не затрещала. – В ней говорилось о беглом каторжнике, который с товарищами по несчастью бродил по малообитаемому острову. Еды у них не было, на живность охотиться толком не умели. И в один прекрасный день они убили своего главаря, из-за которого, собственно, сбежали. Да не просто убили, а выпотрошили и съели.

– К чему ты это рассказываешь? – обозлился Джон.

– Сейчас поймёшь. Потом они убили другого своего товарища, потом ещё, и так продолжалось до тех пор, пока друг друга не перебили. Так вот, тот бедолага, о котором я уже

упомянул, единственный оставшийся в живых каторжник. Когда его нашли, он совершенно не помнил последние месяцы, проведённые в лесах. Только спустя годы вспомнил, каких мерзостей навидался и в чём участвовал.

Джон выпрямился как пружина.

– Бен всего лишь ударился головой!

– Это не противоречит его состоянию. Хант, просто прими это. Память иногда теряется. Ты сам все свои пирушки помнишь? Каждый раз ведь потом спрашиваешь у меня и Джорджа, не занимал ли кому с перепоя денег.

– Это другое дело!

Вот разорались! И без них башка болит.

– У меня с памятью всё в порядке, – влезла я в их перепалку. – Просто...

– Просто что? – взвился Джон.

А ведь правда – что? Скажу правду, что я девчонка, так эти придурки мне не поверят, а Эндрю, наверное, поржёт. На реакцию Джона было бы любопытно взглянуть, но его немного жалко. Он же думает, что я его брат.

– Голова сильно болит, – пробурчала я, – и тошнит.

Позже их «обрадую». Или только Джона, когда его приятеля не будет поблизости. Дело-то семейное, получается.

Охотники тут же засобирались обратно в усадьбу. В чью – фиг его знает. «Брат» предложил мне поехать на его лошади, но я отказалась наотрез. Даже не знаю, с какой стороны подходить к этому животному, и уж тем более не владею навы-

ками верховой езды. Всегда мечтала научиться, да не судьба, и вообще у меня хотелок выше крыши, а возможностей мало. И так много денег на хобби трачу.

Из солидарности парни тоже пошли пешком. К слову, у меня реально немного кружилась голова, плюс к этому новое тело было непривычным. Мой рост сто пятьдесят один сантиметр, и вешу я сорок кэгэ, так что разницу я почувствовала, как только встала на ноги. По ощущениям, Бен был выше меня сантиметров на двадцать пять – тридцать и весил, разумеется, побольше.

Жесть. Всё-таки я и впрямь угодила в чужое тело. Незавидное положение, но, если вдуматься, Бену нужно сочувствовать даже больше. Жил себе человек, никого не трогал, и тут такая подлянка! Ой, а где же его душа? Неужели я её каким-то образом вытурила? Ай-ай, а что тогда с моим телом?

Не заметила, как оступилась. Джон вовремя подхватил под руку.

Э, нет, так не пойдёт. Сейчас нельзя паниковать. Я же смогла взять себя в руки, когда на последнем экзамене не смогла открыть файл со шпорами. Выкрутилась, и тут выкручусь! Надо просто спокойно понаблюдать за обстановкой и обратиться к тому, кто сможет помочь.

Да и с чего я решила, будто бесповоротно померла в музее? Вполне возможно, мы с Беном всего лишь махнулись телами. М-да, не повезло ему. Из нормального человека превратиться в меня – это ж врагу не пожелаешь.

Надо разобраться, куда я попала. Хотелось бы верить, что в параллельный мир, населённый магами и эльфами, да что-то несильно похоже. Магией, если не считать самого факта переноса, пока не пахнет. И с языком какая-то ерунда: вроде все говорят по-русски, а имена иностранные. Или ребята русские, и это их никнеймы. Меня вот друзья называют Юки, но я ни разу не японка.

Собака вносила изрядную долю позитива в моё положение. Я с умилением наблюдала за тем, как эта няшность с очаровательными рыжими ушками и чёрной спинкой носится вокруг нас, принюхиваясь, опускает мордочку к земле и что-то напевает по-собачьи. Оставьте нас вдвоём, мы же просто созданы друг для друга!

По дороге мы нашли пропавшего скакуна. Тёмно-гнедой жеребец преспокойно щипал траву и с неохотой оторвался от своего занятия, когда Эндрю взял его под уздцы.

– Попался, проказник! Пойдёшь на колбасу.

– Сам ты колбаса, – встала я на защиту животного. – Если наездник не удержался в седле, это только его вина и ничья больше.

Хм, а конь немаленький, с него слетишь на полном ходу – точно с жизнью распрощаешься.

Я прислушалась к своим ощущениям. Болит голова, подташнивает, место удара неприятно пульсирует... и всё. Отделался бы парень одной травмой, если бы действительно упал с лошади?

Поздравляю, Варя. У тебя в кои-то веки логика проснулась.

Продолжаем играть в детектива. У Джона и Эндрю на руках перчатки, а у меня нет. По фэнтези-романам помню, всадники защищали ладони, чтобы не натереть их поводом. Выходит, Бен либо в этом плане беспечный, либо...

Нащупала в кармане куртки что-то из мягкой кожи. Ага, взял их с собой, но не надел. Или спешился и снял, потому что погода очень тёплая.

О, май га-а-ад! Мне для полного счастья только не хватало в чужих тайнах разбираться.

Стоп. Я же пообещала себе не паниковать. Значит, буду считать, что Бен упал из-за моего вселения в него. Так проще.

Попадалово. Стопудово попадалово.

Старинная усадьба, словно сошедшая с кадров исторического фильма, поражала своим великолепием и... оживлённостью. Передо мной был не тоскливый памятник архитектуры девятнадцатого века, а обитаемый комплекс, где люди чувствовали себя вполне комфортно. Конюх принял лошадей, дворецкий велел лакею сообщить хозяину о происшествии... И ни намёка на современность. Никакая ролевая игра не может похвастаться таким размахом.

Русских здесь нет.

Спасибо, конечно, неведомой силе, наделившей меня способностью понимать речь окружающих и говорить на мест-

ном языке, только подобная забота выглядела лишней. Английский я более или менее знаю, часто по скайпу общаюсь с иностранцами и могу заменять незнакомые слова и выражения жестами с мимикой. Лучше бы мне кто-нибудь объяснил, как древнеегипетские артефакты связаны с викторианской Англией. С таким же успехом я могла бы очутиться в средневековой Японии среди самураев и гейш. Логичней было бы попасть в Египет периода... не помню какой династии. Хе, пусть остаётся как есть, было бы гораздо хуже очутиться на горячем бархане с видом на стройку пирамид. Была бы вся в песке, скорпионах... Бр-р-р!

Увидев зеркало в позолоченной раме, я сначала вздрогнула, но быстро пришла в себя и уверенными шагами приблизилась к нему.

С той стороны зеркальной поверхности на меня пристально смотрел парень лет двадцати с небольшим. Симпатичный, с аккуратными чертами лица. Нос, на мой взгляд, длинноват, но мужчине как бы положено быть чуть красивее обезьяны. Глаза голубые, и, что примечательно, взгляд умный. Волосы слегка выющиеся, русые, ближе к светло-каштановому оттенку. Я дёрнула себя за прядку. Капец, никогда так коротко не стриглась. В смысле, у Бена шевелюра нормальной длины, даже уши прикрыты. Но я же девочка! Я жить не могу без заколок и ободочков!

– Ты что, себя не узнаёшь? – Джона, кажется, нервировало моё поведение.

– Не узнаю, – честно ответила я.

С сожалением отвернулась от своего нового отражения.

Интересно же, хоть и страшно.

Джон бросил шляпу и перчатки на ближайший стол. Немножко промахнулся – одна перчатка стукнулась о край столешницы и шлёпнулась на пол.

– Ничего, братец, мы тебя вылечим.

– Поспишь, и всё пройдёт, – хихикнул Эндрю.

Реально, этот бугай нравился мне всё меньше. Противный он какой-то. Троль, одним словом.

Мы прошли в глубь дома. Я озиралась вокруг, разглядывала шикарный интерьер и жалела, что у меня нет с собой фотика. Как же здесь классно, отличное место для фотосетов.

И при этом стыдилась того, что иду по паркету и коврам в пыльных сапогах.

Глава 2. Я уеду жить в Лондон

«Признаться, я был немало удивлён, когда мистер Хант вернулся с утренней прогулки без шляпы и, что хуже, без памяти...»

Из разговора дворецкого Истон-мэнора с экономкой и по совместительству супругой

Комната, в которую меня привели, вызывала двойственные чувства. Она была обставлена изысканной мебелью, на которую плебеям даже дышать нельзя, огромный белый камин выглядел впечатляюще, и вместе с этим отсутствовало ощущение уюта. Даже брошенные на кофейном столике сигары и картина с пасторальным пейзажем выглядели слишком бездушными.

Не дожидаясь разрешения от парней, я на правах самого тяжелобольного человека на свете села на обитый миленькой полосатой тканью диван. Похлопала рядом с собой по сиденью, приглашая пёсика. Умничка тут же запрыгнул и улёгся, положив голову мне на колени. Ах, как же хочется поцеловать эту маленькую прелесть! Но нельзя, я мальчик. Суровый брутальный мальчик.

– Отдохни, малыш, набегался, – шепнула я, проведя рукой по мягкой спинке.

Собака несколько не возражала.

– Как его зовут? – я повернулась к Джону, который бес-

толково бродил по комнате, как тигр в клетке.

Тот затормозил.

– Тебя сейчас это больше всего волнует? – изумился он. – А как меня зовут, ты не хочешь узнать?

– Ты Джон.

– Своё имя тогда назови, – сказал он с нажимом.

На кратковременную память я вроде никогда не жаловалась.

– Бен. Бенни.

Я вглядывалась в его лицо, как в лицо препода на зачёте по отечественной истории, пытаюсь понять, в чём подвох.

– Твоё полное имя Арчибальд Бенджамин Стюарт Хант, – на одном дыхании выпалил «братец».

Арчибальд?! Хорошо, что я сижу.

И как мне теперь с этим жить, с таким-то трёхэтажным именем?

Развалившийся в кресле Эндрю, наплевав на чувства друга, хихикал, словно смотрел комедийный спектакль. В этот момент меня раздражало в нём всё. Его массивная фигура в раздолбайской позе. Физиономия с маленькими колючими глазками, широким носом и полными губами. Привычка лыбиться в самые неподходящие моменты. На фиг с ним дружить. С тобой что-нибудь случится, а он даже не посочувствует. Будет ржать и в ладоши хлопать.

– Так как щенка зовут? – я уже была готова обидеться. – Или мне подождать, когда он сам представится?

– Тоби, – буркнул Джон. Наверное, опасался, что его брат перейдёт в стадию общения с животными.

Услышав свою кличку, пёсик приподнял голову и, не дождавшись команды, снова устроил её у меня на коленях.

Ты ж моя радость. Даже имя у тебя цивилизней, чем у меня.

Торопливыми шагами в комнату ворвался мужчина. Атлетического телосложения, одетый как джентльмен с картинки. Ух ты, у него ещё тёмные усы с бакенбардами! Явно свои, не приклеенные.

– Мальчики, что произошло? Все целы? – осведомился он звучным голосом.

– Руки-ноги у всех на месте, дядюшка, – откликнулся Эндрю.

Язва. Интересно, Тоби знает команду «фас»?

– Здравсьте, – я выдавила из себя приветливую улыбку. Вставать не стала, не учитель ведь.

Ой, или надо было сказать что-то вроде: «Доброго дня, сударь! Как ваше здоровье?» Пофиг, поздно уже.

– Сэр Эндрю, когда мы были в лесу, Бен ударился головой. Боюсь, он потерял память, – с долей неловкости сообщил Джон.

Тёзка тролля метнулся ко мне.

– Потерял память? Господи, неужели это правда?

– Ну да, – я виновато опустила глаза.

– И ты меня не помнишь?

– Нет.

Мужик медвежьей хваткой вцепился мне в плечо.

– Не может быть! Хотя бы семью ты должен помнить.

– Сожалею, но нет, – я попыталась выглядеть поуверенней. – Зато я помню, что Земля вращается вокруг Солнца, что Америку открыл Христофор Колумб и что перед едой надо мыть руки.

Следующие полчаса я чувствовала себя героем фильма «Миллионер из трущоб». Мне задавали вопросы из разряда «Когда ты родился?», «Где ты учился?», и я пыталась погрузиться в воспоминания, которые могли бы дать ответы. Фигушки, память тела, точнее чужого мозга, не спешила мне на выручку, как обычно бывает с попаданцами.

На этом невезуха не заканчивалась. С каждой минутой я убеждалась, что окружение у меня не из лучших. Я в другом мире, мне нужен добрый волшебник Гэндальф, который будет водить меня за ручку и давать советы, а тут три придурка, не вкуривающих ситуацию. С троллем Эндрю всё ясно, от него помощи не дождёшься ни при каких обстоятельствах. Джон себе места не находит, его явно вымораживает состояние брата. Сэр Эндрю также не похож на человека, от которого будет толк. На пробу я намекнула, что могу находиться под заклятьем, что было встречено хрюканьем Эндрю и дёрганьем глаза у Джона.

Цивилы, ёперный театр.

В итоге сэр Эндрю как самый старший и опытный решил, что пока меня лучше не доставать, и что, если память не вер-

нётся в полном объёме, придётся обратиться за медицинской помощью. Вот уж чего мне точно не надо, так это вмешательства каких-то допотопных эскулапов! Хуже сделают, стопудово говорю.

После неудачного допроса Джон отвёл меня в комнату, которую хозяин дома, сэр Эндрю, выделил для Арчибалда-Бенджамина-кого-то-ещё. Мне предстояло переодеться из охотничьего костюма во что-нибудь более обыденное.

Я, как идиот, встала посреди комнаты. Где шкаф с одеждой? Здесь только кровать с балдахином да столик с парой стульев.

– Ты долго будешь это продолжать? – Джон скрестил руки на груди и прислонился к стене с бякостно-зелёными обоями.

Эй, у меня тоже нервы не железные! Попадать в другие миры интересно только тогда, когда все карты перед тобой раскрыты, а окружающие сочувствуют и наперебой норовят помочь.

– Думаешь, я прикалываюсь? – вспыхнула я. – Делать мне больше нечего, как разыгрывать перед вами комедию. Как будто мне в кайф притворяться психом! Я – не Бен! У меня нет и не было братьев и собак...

– Ты не мой брат, – покачал головой Джон.

Погодите, я не ослышалась? Меня наконец-то кто-то понял? Аллилуйя!

Он отлепился от стены и подошёл ближе ко мне. Наигран-

но спокойный, с кривой ухмылкой. Руки в карманах, значит, бить не будет.

– Бен никогда бы не позволил себе так опуститься, – сказал он негромко. – Его всегда заботило мнение других о собственной репутации. Он постоянно следил за своими манерами и речью, так что его было невозможно скомпрометировать. К тому же он хотел произвести на сэра Эндрю благоприятное впечатление, а тут такой конфуз.

– И кто же я, по-твоему? – у меня аж голос сел от волнения.

Ну вот и он. Момент истины.

– Неважно. Я всё равно буду считать тебя своим братом. Ничто не разрушит нашу братскую дружбу. Только прошу тебя, постарайся говорить поменьше глупостей, не то для тебя распахнёт ворота Бедлам.

Я сильно вздрогнула. Больше, чем «Бедлам», меня напугал зловещий тон парня.

– Помнишь это слово, – довольно подметил Джон. – Значит, есть стимул вспомнить всё остальное. Так ты Бен?

– Наверное, – вымученно согласилась я.

Оказаться в психушке мне не улыбалось.

– В банковском деле что-нибудь понимаешь?

– Ни капельки, – тут я не стала врать. Всё равно расколют при первом удобном случае.

Джон ничего не ответил. Развернулся и пошёл.

– Подожди.

Он неохотно выполнил эту простую просьбу и вопросительно уставился на меня.

Я вздохнула, подбирая слова. Взлохматила непривычно короткие волосы – раньше я накручивала прядки на пальцы.

– Это... Где моя одежда?

Джон неожиданно доброжелательно улыбнулся и указал куда-то в сторону.

– В гардеробной.

– Ага, – вместо «спасибо» выдала я.

За дверью с изогнутой ручкой действительно оказалась гардеробная. Довольно-таки просторное помещение, в котором и одежды-то почти не было.

Странные люди. Неужели обычного шкафа не хватило бы? Или хозяин привык, что гости у него месяцами живут, привозя с собой всё, от купальников до шуб?

Я провела рукой по тонкой стопке белых рубашек. Эх, мне бы дома свою гардеробную, а то зачастую закидываю своё шмотьё в шкаф по принципу «в Нарнии разберутся».

Так, это что... Носовые платки. Как много, раз, два, три... Зачем Бену столько? Ладно, пригодятся. Как раз самое время поплакать и пожалеть себя любимую.

Тут же мысленно отругала себя за эту идею. В последний раз я плакала год назад, и от моих слёз тогда ничего не изменилось. Не факт, что теперь мироздание надо мной сжалится и всё исправит, лишь бы не видеть покрасневшие глаза и шмыгающий соплями нос маленькой девочки.

Но я-то больше не девочка, и маленькой меня не назовёшь.

Я представила, как ревёт взрослый парень, и это стало последним аргументом в пользу того, чтобы не дать эмоциям овладеть собой.

С удовольствием скинув жаркую шерстяную куртку, я с энтузиазмом продолжила процесс раздевания. С минуту разглядывала в зеркале обнажённый торс и, всё ещё с трудом веря в чудесное перевоплощение, трогала себя. Плюс к этому я время от времени нервно хихикала и отпускала комментарии по поводу новой внешности. Наверное, со стороны я выглядела настоящей извращенкой. Ой, точнее, извращенцем.

Закусив губу, чтобы не заржать от «эротического фильма» в зеркальном отражении, погладила грудь. Вообще-то я от природы и так обижена, у меня размер с убийственным названием «нулевой», а тут совсем в минус ушла. Хотя сейчас мне дамские прелести ни к чему... Никогда об этом раньше не думала, но всё же на фига мужикам соски? Кого они ими втихаря от нас вскармливают?!

На случай, если Бен всё ещё присутствует в этом теле, я шёпотом попросила у него прощения и разделась полностью. Грешна, люблю яойную мангу, да и средства массовой информации к восемнадцати годам засорили мой мозг всякой гадостью, так что самая интересная часть мужского тела не напугала меня. Правда, немного шокировало увидеть это под таким углом...

Хм, а парень хорош. Весьма, весьма. Жаль, несколько старых шрамов на ягодицах портят вид, но в целом он красавчик. М-да, похоже, у него когда-то была очень горячая подруга. Мне бы поскорее вернуться в родную шкурку, ни за что не буду никого ублажать!

Хорошо, что Джон меня сейчас не видит, а то он бы об стену убился.

Об этом неприлично говорить, но не могу не похвастаться: я удачно посетила туалет.

Начнём с того, что помещение, на которое мне деликатно указал дворецкий (смурной и всё же услужливый дядька), на пару мгновений заставило меня забыть, куда мне вообще надо было. Моему взору предстала обычная комната, по стилю напоминающая кабинет или, в крайнем случае, спальню. На стенах – деревянные панели и два натюрморта, на полу совсем не банные ковры, а с потолка свисает витая люстра с мелкими хрусталиками. Широкое окно обрамляли тяжёлые шторы. Даже камин тут был! Венцом этого апофигея стали умывальник, унитаз и ванна в деревянных футлярах под цвет панелей. Чесслово, обстановка смущала меня не меньше, чем новые анатомические особенности. С кафелем было бы как-то попроще, пробудившееся от спячки воспитание хотя бы не вопило: «В комнате нельзя!»

Весьма гордая собой, я вернулась обратно. Нечего тупо идти ко дну, надо бить лапами по воде, чтобы выбраться! Де-

нёк побыть в прошлом, конечно, прикольно, но оставаться тут навсегда мне не улыбалось. Да ещё всю жизнь прожить мужчиной и, смирившись, жениться со всеми вытекающими... Э-э-э. Это чересчур даже для меня.

Для начала стоит разобраться, кто такой этот Бен и почему мне посчастливилось угодить именно в его тело.

Порывшись в ящике прикроватной тумбочки, я не нашла там ничего, кроме сухой залежавшейся пыли и потрёпанной колоды карт. Может быть, кто-то из прежних гостей их здесь позабыл. Такой вывод я сделала, потому что верхняя карта, шестёрка пик, щеголяла старым жирным пятном с отпечатком пальца. По моим прикидкам, Бен должен быть тем ещё чистоплюем. Джентльмен, как-никак.

В гардеробной обнаружили его чемоданы. Один абсолютно пустой, а в другом лежало несколько книг. Блин, он что, даже документы с собой не взял? Так, спокойно. Хоть знания о данной эпохе у меня более чем поверхностные, по школьным урокам литературы помню, что давным-давно люди вели дневники. Бумажные. Без фоточек и смайликов. Просто так, для себя, не рассчитывая на лайки, комменты и поглаживания по головке в трудные моменты.

Бен меня разочаровал. Среди книг, которые он взял с собой, не было ничего рукописного. Я перетрясла их в надежде найти хоть какое-нибудь письмо (народ же тогда переписывался не эсэмэсками!), и также без успеха. Зануда! И книги у него занудные! Ни детektivчика, ни журнальчика с голы-

ми девочками. Фигня одна. «Путешествия по Криту» некого Пэшли вообще, по ходу, учебник. А это вообще не по-русски и не по-английски: «Дер социализмус унд коммунизмус...» Ужас, он что, призрака коммунизма по ночам вызывает?!

Бен, ты нормальный человек или как?

В задумчивости посидела, как дурак, на полу. Во всех деталях разглядела свои ботинки как минимум сорокового размера вместо привычного тридцать пятого. Вслух задала несколько интересующих меня вопросов, однако ответов всё равно не получила. Нечестно, в книгах и фильмах на этом моменте появляется кто-то всезнающий, или, в крайнем случае, чей-то голос ниоткуда отвечает на мольбы неудачника...

– Ваш ланч, сэр.

Нет, не так! «Овсянка, сэр», блин.

Выйдя из гардеробной, я заметила молодую женщину в плотном сером платье с белым фартуком. Её бы приодеть, причесать и накрасить, а то вид уж больно унылый. Она поставила на стол поднос, заставленный всякой ерундой. Баночка колы и пакетик чипсов – вот мой обычный полдник, а тут одной посуды немерено. Одарив меня опасливым взглядом, служанка принялась сервировать стол.

– Да не надо. Я сам.

Фух, чуть было не сказала «Я сама». Интересно, меня могут спалить на подобном или всё-таки всплывёт особенность английского языка не выдавать пол говорящего, как у нас, окончаниями?

Не только я зависла. Женщина тоже замерла, только, по моему, её мучили далеко не филологические рассуждения.

Я постаралась снять напряжение.

– Не люблю, когда со мной нянькаются.

В доказательство своей самостоятельности я переставила с подноса маленький заварочный чайник с танцующей парой в бальных нарядах, сливочник, сахарницу, чашку из того же набора и тарелку с сэндвичами.

Служанка смотрела на меня со смесью страха и презрения, как будто я это всё украла и без зазрения совести похвасталась добычей.

Отпущу-ка я её, чтобы мы друг друга не нервировали... Э, нет. Пусть останется. Это же знак, а я его чуть не прохлопала! Слуги же только с виду белые и пушистые, хотя в данном случае серые и зачуханные, они люди глазастые и ушастые, всё про всех должны знать.

– Не уходите, вы мне нужны.

Служанка прижала к груди поднос и поджала губы, словно хлебнула лимонного сока. Да чего она так шарахается? Узнала, что Бен чуток не в своём уме, и теперь думает, как бы псих на неё не кинулся.

– Не бойтесь меня, – я понизила голос, от чего он прозвучал слишком томно.

Эффект вышел обратный. Женщина отшатнулась от меня, как от прокажённого, и поднос в её руках теперь выглядел щитом.

Не сводя взгляда с этой забитой дуры, я плюхнулась на кровать.

– Вы уйдёте тогда, когда окажете мне одну несложную услугу.

– Нет, сэр, – она качнула головой. – Этого не будет.

Опа! Она и с хозяином так себя ведёт? Или в этом доме вся прислуга не любит гостей? Хотя я это могу понять, невесело чай разносить каждому бездельнику.

– А если я хорошо попрошу? – я улыбнулась, светясь дружелюбием. В аниме вокруг меня звёздочки бы нарисовали.

Однако сверкательная атака не сработала. Женщина чуть ли не бегом бросилась к двери.

– Да стой ты!

Я подскочила к ней и коршуном вцепилась в её плечо. Упавший поднос неожиданно больно ударил по ногам.

– Не убегай, – я второй рукой взяла её за талию. – Да не дрыгайся!

Истеричка трепыхалась пойманной птицей.

– Прошу вас, отпустите! Пресвятая Богородица, помоги мне!

– Да хоть Супермена зови на помощь! Ты можешь просто сделать то, что я говорю?!

Она так яростно вырывалась, что мне пришлось её отпустить. Обидно упускать добычу, тьфу, то есть информатора, но ещё обидней было бы получить ногой в пах. Лишь когда нервная служанка скрылась из виду, до меня дошло, что про-

делать такой трюк ей бы не дали юбки.

Если ланч пришлось слопать в одиночестве, то на обед меня изволили пригласить. По правде говоря, я даже была рада немного побыть в компании, пускай и такой сомнительной. Незвестность изводила меня хуже гудения соседского пылесоса в субботнее утро, и, как назло, начала давать о себе знать банальная скука. А скучать я не люблю! Практически всё время до обеда я провела в саду, оглядывая окрестности и играя с Тоби. Кстати, благодаря забытому в беседке журналу для охотников я выяснила, что мой новый друг – бигль. Несмотря на то что в издании отсутствовали фотографии, чёрно-белые (если так можно сказать о желтоватой бумаге) рисованные иллюстрации были понятными. К сожалению, та статья была не о биглях, а об охотничьих собаках в целом, но мы с Тоби не стали расстраиваться. Побегать можно и без википедийных знаний.

– Это что такое? – я с любопытством указала на поджаренные куски теста, которые подали к ростбифу.

Эндрю деловито покашлял в кулак.

– Для начала усвой основы. Это, – он поднял свою вилку, – трезубец для отправки еды в рот...

– Как жаль, что ты не помнишь, что эта штука называется «вилка», – ядовито перебила я его.

Хотела выразиться порезче, но придержала коней. Меня точно сочтут за психа, если буду рассказывать, что ложкой

удобно выскребать мозги, а нож можно кое-куда воткнуть.

Во взгляде Джона промелькнуло театральное сочувствие.

– Пудинг. Бенни, это пудинг.

Ага. Алиса, это пудинг. Пудинг, это Алиса.

Нечего мне голову морочить! Как будто я не знаю, что пудинг – это десерт, их ещё в баночках как для йогурта продают. Дома я часто балую себя этой вкусняшкой, так что меня не проведёшь.

– Йоркширский пудинг, если уж совсем точно. – Сэр Эндрю невозмутимо резал ростбиф у себя в тарелке. – Мальчишки, будьте добры, перестаньте издеваться над Беном. Ему необходимо всё вспомнить, а вы сбиваете его.

– Вот именно, – поддакнула я.

Сэр Эндрю поднял на меня глаза.

– Ангелов за этим столом нет. Миссис Флетчер посчитала своим долгом доложить, что мистер Хант едва не снасильничал горничную. Между прочим, порядочную девушку, придерживающуюся строгих нравов.

Мой нож неприятно звякнул об тарелку. Чтобы я кого-то изнасиловала – да вы что?!

– Ваша порядочная девушка очень нервная особа, – твёрдо произнесла я, стараясь подстраиваться под местную манеру речи. – Я всего лишь хотел уточнить, где нахожусь и что собой представляет хозяин дома, ибо мне стыдно с этими вопросами подходить напрямую к вам. Возможно, её насторожила моя фамильярность, но результат вам и так изве-

стен. Она испугалась и убежала, чем меня самого привела в замешательство.

Фух! Вроде логично, связно и без слов-паразитов. Я молодец, я просто няшка!

Ну и дура мне попалась. Я же не соблазняла её, с моей стороны точно не было ни одного знака внимания.

Аж аппетит пропал.

– Моя экономка яро следит за нравственностью своих подчинённых. – Мужчина как ни в чём не бывало вернулся к еде. – И вместе с этим она стоит горой за них. Не думаю, что она просто клеветет.

Я отложила столовые приборы.

– Ложь и провокация!

Все воззрились на меня так, как будто я только что крикнула: «Ни с места, у меня граната!»

Хозяин медленно потёр усы.

– А как же слова горничной...

– Эротические фантазии, – я легко перешла на спокойную интонацию. – С молодыми людьми такое бывает от отсутствия или перебора плотских утех. Любое неосторожное действие может вызвать непристойные ассоциации. Или хотите услышать другую версию? Вероятно, в этом доме девушку уже пытались совратить, поэтому она неадекватно ведёт себя с мужчинами. Или вот вам ещё одна версия. Она беременна и пытается выдать своего ребёнка за отпрыска из состоятельной семьи, чтобы потом шантажировать его поро-

чащими публикациями в газетах и требовать деньги.

После приступа красноречия я глотнула вина. Блин, как же трудно говорить по-человечески, а не как подросток.

– Дорогой племянник, – сэр Эндрю обратился к младшему тёзке. – Я тебе горячо советую стукнуться обо что-нибудь головой, чтобы и ты хоть немного поумнел.

Тот возмутился и, видать, с горя подложил себе какой-то требухи, посыпанной зеленью.

– Благодарю вас за гостеприимство, но мы с братом вынуждены поскорее уехать, – заговорил Джон после долгой паузы. – Хочу завтра же отвезти его к родителям в Лондон.

Я не заметила, как прекратила жевать. Папе пофиг, где я шляюсь, он всё равно живёт с новой семьёй, а мама-то, наверное, вся испереживалась.

Снова потянулась к вину. Я не алкашка, просто от волнений в прямом смысле кусок в горло не лез.

Не раскисать. Я в прошлом, значит, теоретически настоящего, то есть будущего, пока не было. И из этого выходит, что временную проблему можно исправить. Знать бы только как.

Успокоиться. Взять себя в руки. Без плеера будет тяжело глушить грустные мысли, но я могу петь про себя. Хрипловатым голосом Лепса.

«Я уеду жить в Лондон! Я уеду жить в Лондон!..»

Глава 3. Хорошее дело браком не назовут

*«Это знак свыше! Я просто обязана прибрать
его к рукам!»*

*Отрывок из письма содержанки мистера Стрикленда
подруге*

Мне не привыкать к ночёвкам в незнакомом месте. Никогда не стеснялась оставаться у друзей, и поэтому в моей сумке почти всегда уложена ночнушка, трусы и зубная щётка. Скай сначала пальцем у виска крутила, а потом взяла с меня пример.

В эту же ночь я еле уснула. То и дело начинала размышлять о своём положении и никак не могла угнаться ни за одной мыслью. Думала о разном. О кошачьей статуэтке с человеческими глазами. О Даньке, который остался в музее. О своей нелёгкой судьбинushке в целом. На меня волнами накатывали страх и предвкушение чего-то опасного, но безумно весёлого. И что самое обидное, было совершенно не с кем потрындеть. Ни телефона, ни скайпа... Средневековье какое-то, даром что книги про коммунизм читают.

Я с раздражением переворачивалась с одного бока на другой. Спать на спине, как я люблю, было нельзя, потому что рана на голове от прикосновения с подушкой начинала бо-

леть. А на живот я не ложилась, потому что не знала, как моя новая часть тела отреагирует на подобное обращение.

Тупое попаданчество. Я ведь должна как сыр в масле кататься, орков одной левой раскидывать, эльфов в себя влюбить... Всё у меня не как у людей. Прямо ругаться хочется. По-английски.

А могло быть и хуже. Рабство, побои, насилие, выгребная яма и вид на площадь с повешенными жмуриками сквозь тюремные решётки. Так что я неплохо устроилась. Меня накормили, спать уложили и Лондон покажут.

Блин, и с родителями Бена придётся познакомиться. Жесть. Одно дело дурить Джона, и совсем другое – называть чужих предков мамой и папой. Вот это я вляпалась... И раз «брату» язык не повернулся сказать правду, им – тем более. Да и что я могу сказать? «Пардон муа, я, кажется, угробила вашего Бенни»?

Мысли становились всё короче, растворяясь на полуслове. Вот и хорошо. Я засну и проснусь дома. Тогда не придётся ломать голову над нестандартными проблемами.

Наверное, желание увидеть Лондон было сильнее желания вернуться домой, потому что наутро чуда не произошло. За завтраком я вела себя хорошо и с особым усердием скрывала разочарование от путешествия во времени. Минусов-то больше, чем плюсов. Компания, мягко говоря, так себе, тело пока своим на сто процентов не ощущаю, да и тяжело скры-

вать свою сущность. Алё, гараж! Я девочка, я хочу веселиться, а не тухнуть с «Капиталом» в обнимку.

– Положи. – Джон соизволил оторваться от своей порции омлета, чтобы сделать мне замечание.

А что Варя сделала? Ничего Варя не сделала. По крайней мере, плохого.

Вместо того чтобы вернуть апельсин к прочим фруктам на блюде, я переложила его в другую руку.

– Жалко, что ли? Я же поделюсь.

– Тебе нельзя апельсины, – стоял на своём Джон, – ты с детства сыпью от них покрываешься.

Пришлось расстаться с оранжевым шариком.

Ну, Бен, ну ты и свинтус. Из-за тебя я не смогу есть мои обожаемые апельсинчики! Ах, жизнь – боль!

Присутствующие снова подняли тему потери памяти, от которой у меня уже зубы сводило. Чем больше они говорили, тем сильнее убеждались в правильности решения Джона увезти меня в столицу. Мол, там я увижу родные места, меня посмотрят лучшие доктора, бу-бу-бу, бу-бу-бу... Готова поспорить, сэр Эндрю был по-настоящему счастлив избавиться от стрёмного гостя, несмотря на то что вызвался проводить нас до станции. По-моему, это показуха. Или джентльмену наскучило подпирать стенки в своём поместье и он решил прокатиться. А троллистый племянничек честно сказал, что его ждут не дождутся бекасы, которых сам бог велел перестрелять.

Путешествие вышло отстойным. Если бы не старинный антураж и пейзаж за окном купе, я бы точно выла от тоски. Джон общался со мной крайне неохотно. После нескольких попыток завязать разговор он уткнулся в купленные на станции газеты. Я тоже пыталась читать, благо теперь могла дать фору гугл-переводчику, но содержание статей меня не цепляло. Я и дома-то газет не читаю и политикой не интересуюсь, а тут ещё муть, как в скучном учебнике по истории. Немного улыбнуло слово «прерафаэлиты» в заметке про выставку в художественной галерее. Не имела понятия, что это такое, просто вспомнила, как на лекции по философии ко мне и Скай подкрался препод, интеллигентнейший Василий Абрамович, и сказал: «Сейчас я это братство прерафаэлитов расскажу». А мы даже не баловались, мы тогда всего лишь рисовали и показывали друг другу скетчи. Единственная статья, которую я прочитала от корки до корки, была посвящена маньяку из Уайтчепела – Бесстыдному душителю¹. Ясный пень, прославился он по завету старухи Шапокляк плохими делами. Засранец нападал сзади на одиноких женщин, накидывал на шею жертв удавку и под угрозой смерти заставлял отдать ему самое дорогое. Исподнее. Если верить

¹ Уличные воры Викторианской эпохи уважали удавку, потому что жертва, к которой подкрадывались сзади, не могла дать отпор и под страхом удушения легко расставалась с ценностями. А что касается индивидуальных странностей преступника, то сумасшедших и эксцентричных экземпляров хватало. Некоторые даже попадали в криминальную хронику.

репортёру, на этой неделе Бесстыдный душитель обзавёлся ещё тремя парами панталончиков и, похоже, останавливаться на достигнутом не собирается, так что не исключено, что читатели скоро насладятся новыми историями о похождениях извращенца. Надеюсь, к новому выпуску я уже буду дома и о последних подвигах душителя узнаю из Википедии.

Прошла целая вечность, прежде чем мы прибыли на вокзал Чаринг-Кросс. На перроне Тоби ошалел от счастья и всё рвался с поводка. На радость разномастной публике повизгивающий щенок путался у нас с Джоном под ногами, почти как Понго в мультфильме «Сто один далматинец». Кое-как разобравшись с ним и багажом, мы вышли на улицу, и Джон нанял кеб.

Вскоре я ощутила разочарование. Так расстраивается ребёнок, который в Комнате страха вместо обещанных ужасов видит резиновых уродцев.

Этот Лондон был не таким, как в моих чертогах разума. Естественно, я не рассчитывала увидеть легендарные телефонные будки и двухэтажные автобусы, но окружавшую меня реальность можно было описать двумя словами. Срань Господня.

Много карет, повозок, пешеходов. И так всё громоздко, тесно, что с сожалением вспоминаешь наш милый сердцу трафик. У нас я совсем не обращала внимания на гудёж автомобилей, здесь же непрекращающийся цокот копыт о мостовую бил по мозгам, как молот по наковальне. Впервые я уви-

дела вживую омнибусы – как автобусы, только с лошадьми и с местами для пассажиров на крыше. Другой удивительной вещью были двухколёсные экипажи, которыми кучера управляли, сидя позади пассажиров. Джон сказал, что это тоже кеб, и, по-моему, в этот раз не удивился очередному глупому вопросу.

Как следствие использования транспорта на конной тяге на дороге там и сям был раскидан навоз разного уровня свежести, что не добавляло Лондону очарования. Меня прям передёргивало при виде того, как на остатки подсохших отходов жизнедеятельности наступают прохожие. Особенно было жаль женщин, ведь эта гадость цеплялась не только к ботинкам, но и к юбкам. Я старалась любоваться местной архитектурой, но городской шум отвлекал меня. Запахи местами тоже были не лучше, в основном благодаря всё тем же лошадям.

Пока мы стояли в пробке (никогда бы не подумала, что в старину они существовали!), к нашему кебу подошёл небритый дядька в высоком цилиндре и хотел было предложить купить что-то «всего за шиллинг», однако даже не успел показать товар. Джон на него так рывкнул, что Тоби с лаем чуть не выпрыгнул наружу, явно вознамерившись прогнать горе-торговца. Пару раз другие маргинальные личности просили у нас милостыню и тоже ушли ни с чем. Но не все были чёрствыми, как мы, некоторые не глядя давали попрошайкам деньги. Как бы то ни было, я вздохнула с облегчением,

когда мы покатали дальше.

Миссис Хант представлялась мне эдакой королевой-матерью. Строго одетая, с волосами, собранными в пучок, не позволяющая себе быть сентиментальной на глазах окружающих. Мои фантазии снова сыграли со мной злую шутку: стоило Джону заикнуться о том, что брат сильно ударился головой, меня тут же стиснула в объятиях высокая пухлая женщина с вычурной причёской. Она так бурно причитала, что Джону приходилось рассказывать о несчастном случае в перерывах между её воплями.

Да-да-да, мне жаль, что такое горе произошло, но хватит уже меня нацеловывать!

Однако я по-прежнему играла роль потерявшего память парня. Любая агрессия с моей стороны могла запросто довести бедную женщину до инфаркта.

– Бенни, мой милый Бенни! Неужели ты меня не помнишь? – как профессиональная плакальщица выла миссис Хант. – Я же кормила тебя своей грудью, хотя мне советовали хорошую кормилицу. Я сама сшила тебе крестильную рубашечку. Выхаживала тебя, когда ты болел... Помнишь, ты залезал ко мне в постель во время грозы? А как делился со мной конфетами?.. Пойдём, пойдём, дружочек. Я тебе кое-что покажу.

Я бросила умоляющий взгляд на Джона. Тот ухмыльнулся:

– Конечно идите.

Предатель. И не пошёл ведь с нами.

Миссис Хант вытерла полные гладкие щёки кружевным платком и отвела меня в просторную спальню с весёлыми обоями в цветочек. Где-то полчаса она лазила по шкафам и комодам, доставая всевозможные безделушки. Рисунки, которые Бенни дарил ей в детстве на праздники (отмечу, что для ребёнка очень даже неплохая техника). Письма, написанные им во время учёбы. Ракушки, подаренные матери для рукоделия...

Блин, я, то есть Бен – здоровый лось. Взрослый мужчина. А миссис Хант как будто помнила лишь его детские годы.

Не получив от меня ни одного внятного ответа, она вытащила на свет несколько пёстрых мешочков. Выбрала в сине-белую полосу с жёлтой вышивкой «Бенни».

– Посмотри, это твои молочные зубки.

– Давай потом. – Я не дала ей развязать шнурок. – Понимаю, так много всего надо вспомнить...

– Ты устал? – её коровьи глаза влажно заблестели.

И жалко тётку, и отделаться уже от неё хочется.

– Ой! – Она вдруг кинулась убирать свои сокровища. – Господи, который час? Скоро же придёт мистер Стрикленд, а я не проследила за Чарли. Она же назло наденет другое платье!

– Мистер Стрикленд?

– Он собирается просить руки Чарли. Ваш отец обещал

ради этого раньше приехать...

Далее последовал непередаваемый поток причитаний. Мда, бедная женщина. Сколько хлопот! И дочку замуж надо выдавать, и сын учудил.

Благодаря тому что мама Бена бросилась приводить себя в порядок после рыданий, я на некоторое время оказалась предоставлена сама себе. Хотела ополоснуться перед тем, как переодеться, да облом вышел. Лакей, помогавший мне с гардеробом, сказал, что у Хантов только ванна. Пипец. Я знала, что у богатых порой нет души, но чтобы не было душа?!

Переодевшись, я вышла в коридор с намерением начать экскурсию по дому. Надеюсь, я не сильно нарушила этикет, не притронувшись к жилету и пиджаку? Не зима же.

Моё внимание привлёк детский плач. Я пошла на звук и вскоре обнаружила хорошенькую девочку лет десяти-одиннадцати. Она сидела с ногами в кресле с уродскими деревянными подлокотниками и самозабвенно рыдала.

Ох, сначала одну до слёз довела, теперь другую...

Не умею с детьми обращаться, но что поделать.

– Привет, – я присела перед ней на корточки. – Ты чего плачешь?

Девочка отвлеклась от своего занятия и посмотрела на меня не по-детски осознанным взглядом.

– Чарли же замуж отдают.

– А плакать-то зачем? Подрастёшь – и тебе жениха най-

дут.

Малявка судорожно всхлипнула.

– Не хочу такого, как мистер Стрикленд! Говорят, он старый и некрасивый!

– Ну, может, он богатый? Или умный?

Мои аргументы не произвели на неё положительного впечатления. Девочка замотала головой, её накрученные локоны закачались из стороны в сторону.

– У него две жены умерли. Не хочу, чтобы Чарли умерла!

– Цыц! Не реви. Подумаю, что можно сделать.

Чета Хантов расположилась в уютной гостиной. Отца Бена я сразу опознала: он сидел на диване рядом с его матерью. Такой старый, что я поначалу приняла его за дедушку. Жених с виду был ненамного моложе его. Ни за что бы не вышла за него замуж, это же даже в нашем обществе неприлично! Лысый, с серыми пучками бакенбард, обрамляющими дряблкое лицо. А какой у него был живот! Так и подмывало спросить: «Кого ждёте?» Неудивительно, что невеста не выказывала радости от предстоящего замужества. Если честно, она не была ослепительной красавицей, за которой толпами бегают ухажёры, и недовольная мина не добавляла ей привлекательности. Как насмешка судьбы девушке достались выпирающий подбородок от отца и широкий лоб от матери. Бену и Джону в этом плане повезло. Фигура у неё, в принципе, была неплохой, но тугой корсет портил всю картину: он без

надобности подчёркивал аппетитную грудь, а широкие плечи казались ещё шире из-за сдавленной талии.

Джона не было. Либо решил, что такая мелочь, как замужество сестры, не стоит его внимания, либо тупо смылся. От общения с ним у меня сложилось мнение, что он не живёт с родителями. Вольная птица типа.

Моё появление не осталось незамеченным. На меня уставились так, будто я уже что-то натворить успела.

– Я не помешаю?

Миссис Хант ахнула и прижала к лицу платок.

Ей, наверное, стыдно, что сын невоспитанный жлоб.

Я поспешила исправить ситуацию:

– Добрый день!

Да что такое? Опять у всех физики кислые.

– Бенджамин, – у мистера Ханта был неожиданно сильный, глубокий голос, – мы с тобой позже поговорим. Изволь немного подождать.

Так, стоп. Я что-то пропустила? Меня собрались за что-то ругать или как?

– Я всего лишь хочу познакомиться с потенциальным членом семьи. – Я опустила в свободное кресло и закинула ногу на ногу. – Мне же не всё равно, кто будет заботиться о моей сестре.

Миссис Хант постаралась тихонько высморкаться, что вышло у неё, мягко говоря, плохо. Протрубила как слон, заведший опасность.

– Арчибальд, дорогой, пусть он останется. Я же тебе рассказывала, что...

– Хорошо, – резко прервал её муж. Видимо, боялся, что посторонний узнает о том, что его сын стал немного ку-ку.

Хм... Бена назвали в честь папы? Ай, не о том думаю.

– А где жених? – я включила дурочку.

Миссис Хант начала что-то тараторить в своей обычной манере, но тут дал о себе знать мистер Стрикленд.

– Рад сообщить вам, молодой человек, что именно я покусился на руку и сердце ненаглядной Шарлотты.

– Ужас. Ей-богу, ужас, – ответила я, еле удержавшись от любимых словечек вроде «капец». – Не имею ничего против вас, сэр, но, по моему скромному мнению, муж Шарлотты должен быть моложе лет на двадцать минимум.

Я повернулась к Чарли и возликовала, увидев, как её губы сложились в улыбку.

А вот мистер Хант явно был не на нашей стороне.

– Бенджамин, твоё мнение нас меньше всего интересует. Да будет тебе известно, годовой доход мистера Стрикленда...

– «Годовой доход мистера Стрикленда...» – передразнила я старика. – Папа, это меркантильно и абсолютно недально видно. Ты же видишь, что он...

– Что во мне не так? – Мистер Стрикленд, кажется, начал свирепеть. – Вас не устраивает моя наружность? Да вы должны Бога благодарить за то, что ваша сестра избежит до-

ли старой девы.

Вау, какой изящный плевок в нашу семью!

– Не поймите меня неправильно, – перешла я на фальшиво-сладкую интонацию, – но что вы можете дать Шарлотте помимо вашего годового дохода?

Мистер Стрикленд задышал так глубоко и часто, что пуговицы на его жилете грозились оторваться.

– Моя отеческая забота воспитает в ней добродетельную супругу.

– А с чего вы решили, что ей нужен второй отец? И для кого вы собрались воспитывать супругу? Посмотрите правде в глаза. Вы предлагаете нашей Шарлотте союз, схожий с инцестом. Спать с отцом – это же фу!

Миссис Хант густо покраснела, а Чарли, наоборот, повеселела. Что любопытно, в этот раз папа Бена почему-то не стал затыкать мне рот.

И Остапа понесло. От избытка чувств я вскочила и прошлась по комнате.

– К тому же я смею сомневаться в будущем ваших отпрысков. Хватит ли вам здоровья зачать детей? А если это чудо произойдёт, что будет с малышами, когда вы, пардон, сыграете в ящик? Как моя сестра будет дальше жить?

Мистер Стрикленд подхватил свою тяжёлую трость, как будто собрался уходить.

– Что?! Я «сыграю в ящик»?! Что за глупости, я вовсе не собираюсь умирать!

– Ага, будете жить вечно. Кому вы сказки рассказываете? Или вы хотите похоронить Шарлотту так же, как и двух предыдущих жён, а самому жить припеваючи с очередной молоденькой душой? Рассмотрим более правдоподобный вариант. Что будет с молодой вдовой? Не оставят ли её с голым задом ваши дети от первых браков?

Миссис Хант бестолково ворковала над Чарли, уткнувшись лицом в диванную подушечку. Девушка откровенно давилась смехом, а несчастная мать думала, что та начала плакать, и от этого сцена выглядела ещё более комичной.

Пыхтя, наш «жоних» поднялся с кресла.

– Ну знаете, я больше не намерен терпеть оскорбления в этом доме.

– До свидания, – обрадовалась я капитуляции врага. – Скатертью дорога. На чужой каравай рот не разевай.

– Бенджамин, это лишнее, – одёрнул меня мистер Хант.

О, а остальное, выходит, было не лишним?

Миссис Хант попыталась спасти ситуацию.

– Мистер Стрикленд! Вы же даже к чаю не притронулись! И кексов не отведали!

– Мам, пусть идёт, – усмехнулась я. – Нам больше достанется.

Я хотела с видом победителя цапнуть с блюда кекс, но вовремя услышала угрожающее кряхтенье. Если бы не отпрыгнула, согнувшись, как Нео из «Матрицы», собирала бы потом по полу зубы Бена! Мистер Стрикленд снова замахнулся

трусью и вдруг замер, словно голос хозяина дома обладал парализующей силой.

– Только троньте моего сына, и я вас засужу. Тогда с голым задом останетесь вы сами.

Ух, какой у Бена папа! Крутенко! Уважаю!

Однако, оставшись с ним один на один, я вмиг растеряла боевой задор. Так увлеклась спасением девицы, что подзабыла малюсенькую деталь. Арчибальд Хант тут самый главный, и мне будет секир башка, если прогневаю «родича». Карманных денег лишит или вообще на фиг из дома выгонит.

Поздно пить боржоми, когда почки отвалились. Потерпи, Варезка, сделай вид, что раскаиваешься, и когда-нибудь всё наладится. Блин, только как изобразить муки совести в мужском теле? Заплаканные глазки и дрожащие губки тут не прокатят...

– Бить будете, папаша? – вырвалось у меня.

Всегда чушь несу, когда нервничаю.

Мистер Хант многообещающе засопел и с хмурым видом снял шейный платок.

– Ты в самом деле потерял память?

Я кивнула. Потом допетрила, что одного кивка будет недостаточно.

– Очень заметно? Правда, я не хотел никого расстраивать. Просто действительно никого из вас не помню. Миссис Хант очень жалко, но я не могу вспомнить, что она моя мама, и мне стыдно.

– О правилах поведения ты тоже забыл.

– Простите.

Ну простите-простите-простите! Я хороший! Я буду себя хорошо вести! Я всё выучу... Э-э-э, немного не из той оперы.

Старик повертел меж пальцев золотую булавку, ранее украшавшую платок.

– Однако моё сердце спокойно оттого, что ум твой на месте. Было бы очень обидно остаться без благоразумного наследника.

Я включила логику.

– Значит, я старший...

– Нет. Мой старший сын – Джон. Но он настолько безалаберный и ленивый, что я ни за что не доверю ему вести дела. Ты должен всё вспомнить как можно скорее, иначе мне придётся переписать завещание в пользу Фредерика. А он ещё слишком мал, и я в нём не уверен...

Пока слушала его, боялась дышать. Надо же, какой суровый мужик. Рассматривает своих детей исключительно с практической стороны. Ни за что больше не буду обижаться на своего папу. Он хоть и редко находит время, чтобы пообщаться со мной, но зато принимает меня любой.

– Мистер Стрикленд был не очень подходящей партией для Шарлотты, – я не заметила, как мистер Хант перескочил с одной темы на другую, – и я бы без охоты согласился на родство с ним. Но он единственный, кто пожелал взять её в жёны. У твоей сестрицы, если забыл, несносный характер,

и женихов она распугивает, что пугало ворон. Может, тебе потом придётся до конца своих дней её содержать. Не жалеешь?

Я сжала кулаки.

– Вот ещё. Я найду ей другого жениха. Такого, какого она заслуживает.

Как только я вышла из гостиной, на меня, будто ниндзя из засады, налетела Чарли и поцеловала в щёку. Ого, а она высокая, как я теперь.

– Бен, спасибо, – вполголоса воскликнула она. – Я уже думала, меня никто не спасёт. Родители ни в какую меня не слушали... А мама не преувеличивает, говоря, что ты...

– Да.

– Я буду молиться, чтобы ты поправился, – она заметно погрустнела, и мне стало по-настоящему неловко.

– Ладно тебе, лучше подумай о том, что тебе не надо выходить замуж за Стрикленда. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Глава 4. Ревизорро

«Сдохни, Б. Хант!»

Нацарапано на стене Ньюгейтской тюрьмы

Было всего девять часов вечера.

Чарли задёрнула шторы и погасила верхний свет, оставив гореть пару ночников. Детская погрузилась в приятный полумрак.

Девятилетний Фредерик уже лежал в своей кровати, а Эмма, деловая колбаса, крутилась перед зеркалом и расчесывала длинные волосы, которыми наверняка гордилась. Стопудово станет настоящей красавицей с толпой воздыхателей через три-четыре года. Чарли шуганула кокетку, и та, вяло возмущаясь, полезла в постель.

Я оседлала стул и, уткнувшись подбородком в сложенные руки, развалилась на его спинке. Так здорово иметь братьев и сестёр, чувствуешь, что тебя никогда не коснётся одиночество. Жаль только, что это не моя настоящая семья. Боюсь, я не смогу полюбить этих людей как родных.

Хочу домой. Уже надоело притворяться и терпеть местные причуды.

И в своё тело хочу. В маленькое девичье тельце, в котором можно есть апельсины.

А ещё меня заколебали родители Бена. Они, по ходу,

устроили негласное состязание «Кто добьёт сынулю». Миссис Хант весь день долбала меня глупостями вроде историй про то, как Бен мило смотрелся в пелёнках и как они все вместе ездили на море. Честно, мне не всегда интересно, что моя мама рассказывает, а тут чужая тётка про своего ребёнка триндит, как заведённая. Её муж тоже не давал мне скучать. С видом школьного директора завёл меня к себе в кабинет и часа два раскладывал передо мной, как точно гадалка карты, какие-то бумажки и грузил всякой фигнёй вроде «депозитов» и «векселей». Я тупо сидела, кивала и впадала в ступор, когда он задавал мне вопросы. Фу, блин! Не люблю экзамены! А вот Чарли показалась мне самым приятным и адекватным человеком в доме, и мне не терпелось познакомиться с ней поближе.

Девушка поймала мой полный печали взгляд.

– Прости. Когда мама занята, я всегда сама их укладываю. Мэгги на ночь мажется какой-то вонючей дрянью, не хочу, чтобы дети этим дышали.

По порядку. Как я недавно узнала, миссис Хант имела привычку сидеть по вечерам в чатах, то есть она строчила письма своим многочисленным родственницам и подружкам. И ещё она вела дневник и грозилась начать читать мне избранные отрывки, чтобы память вернулась быстрее... Святые печенюшки! Я этого не вынесу!

Мэгги, о которой упомянула Чарли, была безобидной старушкой. Нянюшкой, которая заботилась обо всех детях в се-

мье, в том числе и о Бене. По мне, так милая бабуся с лёгкой формой маразма. Она ко мне вообще не приставала, пару раз только спросила: «Касатик, у тебя в школе каникулы?» – так что моё поведение не казалось ей странным.

– Чарли, а ты не знаешь, есть ли у меня дневник?

– Ты его с пятнадцати лет не ведёшь, – хмыкнула «сестра» и после паузы добавила: – Или ты стал его лучше прятать. Если не возражаешь, завтра достанем твои драгоценные записи, но не обольщайся. В них только твои душевные терзания из-за Абигейл Уоррен.

Эмма оторвалась от подушки:

– А мне можно на них взглянуть?

– Маленькая ещё. – Чарли взяла с письменного стола си-не-серую брошюрку и, согнав меня со стула, поставила его ближе к ночнику. – А это как раз для детей.

Я слегка шлёпнула Эмму по пятой точке, чтобы подвинулась, и устроилась в изножье её кровати. А чё? Я тоже буду слушать сказку!

Мне хватило всего лишь одной истории. Лучше бы это был трэш братьев Гримм про отрезанные пятки и выколотые глазки!

Чарли прочитала историю про маленькую девочку Дженнет. У её родителей было немного денег, и когда они пришли в магазин, Дженнет потребовала, чтобы ей купили шёлковое платье с лентами. Мать отговаривала её, говорила, что зимние сапожки будут полезней, но девчонка и слышать

об этом не хотела. Сказочка закончилась на том месте, где главная героиня упала замертво, потому что «шёлковое платье не годилось для метели».

«Хеппи-энд»!

– Ужас-жуть, – прокомментировала я. – Это что за бред?

Чарли вздохнула и полистала брошюрку.

– Это рассказы их гувернантки мисс Боунс, «О нравственности и добродетели». Представляешь, она заставила маму это купить.

– И это ещё печатают...

– Типографии всё печатают, лишь бы у клиентов были деньги, – неожиданно сердито сказала девушка.

Я окинула взором остальных слушателей.

– Дети, вам это нравится?

Те ответили не сразу, будто не ожидали, что кто-то когда-нибудь спросит их мнение.

– Не очень, – призналась Эмма.

– Скучотища, – осмелел Фредерик.

Я скинула ботинки и уселась по-турецки.

– А про хоббита не хотите послушать?

– Кто такой хоббит? – опередила мелких Чарли.

Ну держитесь! Сейчас вы закачаетесь!

– Как? Вы не знаете, кто это? – заговорила я интонацией актёра из ТЮЗа. – Хоббиты – очень славный и дружелюбный народ из Хоббитшира. Они маленькие, в половину человеческого роста, и живут в уютных норах, где отдыхают от забот

и курят лонгботтомский табак. Правда, приключения они не жалуют, потому что из-за них можно пропустить обед...

Одобрительный смех. Что ж, зацепила публику.

Меня слушали с нескрываемым интересом. Старая добрая сказка про то, как Гэндальф и орава гномов разрушили привычный уклад жизни Бильбо Бэггинса, пошла на ура. На эпизоде с троллями малышня заметно заволновалась, зато каким радостным вышло спасение! Когда уставшие путники добрались до эльфийской долины Ривенделл, Чарли встала со стула.

– Замечательно. Предлагаю нам также отдохнуть. Все устали за день не меньше мистера Бэггинса.

Охо-хо! Ни о каком возвращении домой не может быть и речи, пока не закончу сказку. Нехорошо людей подводить.

С самого утра нам нанёс визит семейный врач Хантов, доктор Симмонс. Сравнительно молодой и всё же довольно грамотный мужик. По крайней мере, у него была гладкая речь, и он не вздыхал, как мой терапевт в поликлинике: «Что же с тобой делать?» Вероятно, он удивился тому, что его светлый образ испарился из памяти Бена, однако повёл себя достойно, не став заваливать меня дебильными вопросами. Деловито осмотрел место ушиба, которое уже совсем не болело, пощупал пульс, зачем-то меня послушал через трубку (сначала было стрёмно, но я быстро сообразила, что у меня на груди теперь нет ничего интересного). Под конец осмотра

предложил обратиться в специализированную лечебницу (то бишь в психушку), однако не настаивал и выписал длиннющий рецепт. Вот уж что, а какие-то сомнительные лекарства я жрать не буду! Просто с честными глазами покивала и пообещала доктору следовать его предписаниям. Как только он ушёл, миссис Хант принесла мне две бутылки, одну коричневую с мутной микстурой, и другую – с рукописной этикеткой «лауданум». Дегустировать ни то ни другое я, разумеется, не собиралась, поэтому, стоило заботливой мамаше отвернуться, вылила свои дозы за окошко. Подкармливать этой гадостью цветы в горшках не стала, потому что уж больно запах отвратительный. Не хватало ещё для полного счастья, чтобы комната Бена насквозь провоняла. Кратко переговорив с Чарли, я выяснила, что слово «доза» как нельзя лучше подходит к моим лекарствам. Не зря слово «лауданум» мне показалось наркоманским, это же опиумная настойка на спирту! Что за люди, как можно наркоту дома держать?! И ведь в рецепте может оказаться что-нибудь покруче!

Ни капли в рот. Ни за что. Это же не витаминка С.

А они наивные... Как можно навести у человека в голове порядок с помощью психотропных веществ? Не знаю, чем пичкают душевнобольных в наших клиниках, но я как обыватель не вижу логики в таком лечении.

– Бенни, мне пришёл ответ от миссис Грин, – поделилась радостью миссис Хант, влетая в мою комнату. Ой, не в мою,

но не суть.

Господи, когда же она от меня отстанет? Я хотела научить Тоби давать лапу, а не провести день в компании сумасшедшей тёточки.

Но я в её глазах не девочка Варя. Надо изображать сына.

– Наверное, это действительно хорошая новость.

Женщина сунула мне под нос развёрнутое письмо.

– Миссис Грин – супруга директора детского приюта. Святая женщина! Она благодарит меня и моих подруг за помощь. Послушай, она на пожертвования купила ткани, чтобы сшить сироткам рубашечки...

Теперь детки будут одеты-обуты, накормлены и тэдэ и тэпе. Мама Бена тарыхтела без умолку. Дай ей волю, и она сама канонизирует эту миссис Грин.

– Бедная женщина, ей так тяжело заботиться о ребятишках! Я когда молюсь, про неё никогда не забываю, прошу Бога, чтобы он ниспослал ей сил и терпения. Мы с Харриет и Энни помогаем ей чем можем. Смотри, дорогой, она пишет, что нужны деньги для обучения детей. Я думаю, нужно дать не меньше...

– Там всё так плохо? – перебила я её и кинулась отнимать у Тоби тапку. Вдруг Бен, если вернётся, огорчится, узнав, что любимые тапчундры погрызены?

Миссис Хант замялась.

– Миссис Грин всегда пишет, что...

– Что значит «пишет»? Вы вживую не общаетесь?

– А зачем? Она же честная женщина, так подробно пишет...

Я слегка шлёпнула щенка по носу отобранным трофеем.

– Мама, ты как будто вчера родилась. Ты вообще этот приют в глаза видела?

Миссис Хант промолчала и стала вертеть письмо в руках, как ребёнок, не выучивший урок. Ну и наивняк! Взрослая баба, а так себя ведёт. Как хорошо, что интернет пока не изобрели, а то она бы ещё не так накосячила... Или это я такая злая и циничная?

Чувствуя себя засранкой, я подошла к ней и положила руки на её крупные плечи.

– Давай съездим и проверим, как дела у миссис Грин.

– Съездим? – удивилась маман.

– Съездим. У тебя же есть адрес приюта?

Она дёрнулась, словно ей только что предложили добровольно выпить все мои лекарства.

– Но это же Ист-Энд! Нам там не место!

– Мам, ну ты либо крестик сними, либо панталоны надень. Если уж делать добрые дела, то от чистого сердца и как положено. Не хочешь со мной ехать, поеду один. Нет, с Тоби, а то ему скучно в четырёх стенах.

Миссис Хант сглотнула. Её второй подбородок подскочил, как зоб у жабы.

– Твоя правда, сынок. Поедем. Только ты пообещай, что попросишь прощения за то, что обидел святую женщину.

У святой женщины не хватало по меньшей мере трёх зубов.

А ещё – совести.

О последнем было нетрудно догадаться. Судя по тому, что я увидела во дворе и прихожей приюта, здесь давно не убрались. Со времён мезозоя.

Пожухлый неравномерно растущий газон пестрел разного рода мусором, от деревяшек непонятного происхождения до битого стекла. Да дети во время первой же прогулки должны покалечиться! Хорошо, что Тоби остался с Томом, нашим кучером. Само здание приюта – унылая коробка с мутными окнами, крыльцо разбито в хлам. Уже на пороге я оставила надежду увидеть внутри что-то более или менее приличное и, в принципе, не ошиблась в своих ожиданиях. Грязь была везде, даже на стенах.

Что за люди? «Дайте-дайте», «помогите чем могёте», а сами палец о палец не ударят, чтобы что-то исправить.

Миссис Грин сразу поняла, что лоханулась и стала мямлить какой-то бред про то, как ей с мужем тяжело заниматься приютом и воспитанниками. Меня чуть ли не наизнанку выворачивало, до того противно было смотреть как эта квадратная бабенка блеет, как невинная овца. А миссис Хант... Да я готова ей премию вручить за Самую Большую Тупость! Это ж как можно не замечать очевидного? Мало того что изнеженную леди смущала обстановка, она ещё с радостью

позволила повесить себе на уши свежую лапшу.

Прости, Бен, но твоя мама иногда такая курица.

– Вот жопа, – нарочито громко вздохнула я.

Обе тётки вмиг заткнулись.

– Что ты сказал, дорогой? – пискнула моя спутница.

– Жопа, говорю. – Я прошлась по поскрипывающим половицам. – И внешний вид, и ситуация в целом. Помочь нужно. Вот прям срочно, сию минуту!

Миссис Грин явно расслабилась. На её широком, мужеподобном лице появилось подобие улыбки. Я чуть не отвернулась, чтобы не смотреть ей в рот.

– Где дети? Нам надо на них взглянуть.

Улыбка стала медленно сползать с её рожи.

– Дети?

– Ну да, дети. Такие маленькие существа, которых надо кормить, мыть, учить уму-разуму...

– Дети на месте и с ними всё в порядке, – отчеканила миссис Грин, глядя на меня как бык на неопытного тореадора.

Пыхтевшая от напряжения и духоты миссис Хант обрадовалась такому ответу.

– Вот видишь, Бенни. Всё в порядке...

Я стояла на своём.

– Покажите нам детей.

– Вам не нужно на них смотреть, – жена директора приюта тоже не сдавала позиций. – Подумайте о своей матушке. У неё же сердце кровью обольётся.

– Тогда и вы кое-чего не увидите. Денег.

– Простите его, миссис Грин! – малодушно заверещала миссис Хант. – Он весь в меня, такой же впечатлительный. Его так поразила история о ваших горестях, что он просто умолял меня приехать к вам. Бедный мой мальчик, так переживает!

Сейчас «бедный мальчик» вам всем покажет.

– Мама, она врёт.

– Как?!

– Как дышит.

Не обращая внимания на возмущения беззубой святой, я прошла в глубь дома. Грязь, какой-то неприятный застоявшийся запах, который чувствуется гораздо сильнее, чем в коридоре... Удивите же меня чистотой!

Воспитанников я обнаружила в небольшой комнате с грубыми деревянными столами и лавками. Фак! Это ж не дети, а поросята нечёсанные. И одеты в жуткие обноски, как специально на помойке подобранные. Не больше десяти штук, я уж не стала считать по головам. Все они кучковались рядом с неопрятной старухой, держащей в руке половник. Оторвав голодные взгляды от кастрюли, детишки уставились на меня. С таким страхом в глазах, будто у них собираются отнять вонючую кастрюляку.

Даже приятного аппетита не пожелаешь. От доброго слова вкусней дерьмо не станет.

– Мистер Хант! – подоспевшая миссис Грин аж задыха-

лась от негодования, не находя слов.

Миссис Хант с офигевшим видом топталась на пороге. Похоже, до неё наконец стало доходить, что быть благотворительницей не так-то просто.

– Э... это все дети? – неподдельно удивилась она. – У вас же их пятьдесят! Вы мне сами об этом писали. Я запомнила это число, потому что мы с Харриет и Энни отправили вам тогда пятьдесят фунтов.

– Да, их было больше, – подтвердила миссис Грин.

– А многих в работный дом отдали, – со свойственной нежному возрасту непосредственностью пояснил лохматый ребёнок лет пяти (реально, не поняла, мальчик это или девочка), – потому что их кормить нечем было. Нас тоже нечем, но нас пока не отдают. А Билли с Гарри и Мэри придут к вечеру...

– Молчи в присутствии старших, – шикнула горе-воспитательница.

– Они денежки у прохожих просят. Их миссис Грин палкой бьёт, ежели мало принесут, – всё же закончил смелый малыш. Речь новоявленного Павлика Морозова местами была невнятной, однако я и так всё поняла. – Мэри так вчера побили, что у неё на лице синяк.

Мальчонка постарше заплакал: видимо, соображал, что за такую откровенность побьют всех и не только палкой.

Миссис Грин побагровела.

– Это ложь! Вы же не поверили? Он в приюте недавно и

постоянно лжёт.

А она вся такая белая и пушистая.

Вскрикнув, я прикрыла рукой глаза и отпрянула от неё.

– Сэр, что с вами? – она легко поддалась на провокацию.

– Ваш нимб. Он так ярко сияет, что глазам больно.

– Да как вы смеете!

Решив не затягивать бессмысленный диалог, я подошла к вышеупомянутой кастрюле и, задержав дыхание, взглянула на её содержимое. Блин, тут с самого начало было понятно, что всё в приюте плохо, но чтобы настолько! Я даже не могла подобное представить. В мутной жиже плавали сморщенные листья капусты, похожие на тряпки. Особую пикантность супу придавала почившая в нём большая муха.

Слов нет, одни эмоции. Непечатные!

Эх, чего не сделаешь ради детей.

Стараясь не выдавать брезгливости, я забрала у стоявшей столбом старухи половник, зачерпнула немножко, влила себе в рот и с удовольствием выплюнула на пол.

– Помои! И вы этим их кормите?!

Миссис Грин с новыми силами бросилась на защиту себя любимой.

– Просто сегодня неудачный день, поэтому рацион такой скудный.

– Женщина, ты вообще страх потеряла?! – по-настоящему разъярилась я. – От самой-то ветчиной несёт, а ваши воспитанники слова такого, наверное, не знают!

Вместо того чтобы причитать и плакать из-за грубости сына, миссис Хант вдруг проявила чудеса адекватности.

– Миссис Грин, покажите кухню.

Несмотря на вопли протеста, мы прошли в следующий круг Ада. Мама Бена снова осталась на пороге, но зато прекрасно видела, как я, отмахиваясь от мух и перепрыгивая через ленивых тараканов, лазаю по шкафам и копаюсь в кладовой.

– Вы же писали, что у вас вдоволь круп, овощей и хлеба, – наверное, таким тоном миссис Хант отчитывает своих чад за провинности, – однако здесь едой и не пахнет... Кстати, что это за смрад? Я бы уволила свою кухарку за такое!

Не было нужды проверять спальню и прочие помещения, но я с азартом проверила всё остальное. Встреть я самого директора этой богадельни, ему бы не поздоровилось! При своей нынешней комплекции я бы с радостью его отметелила.

Миссис Грин вспомнила о нём лишь тогда, когда я бродила вдоль кроваток с грязным постельным бельём.

– Скоро придёт мой муж и выставит вас отсюда!

– У-у-у! Страшно-страшно, – я даже не повернулась в её сторону.

– Ваш муж моему и в подмётки не годится, – кажется, миссис Хант невольно заразилась моим задором. – А муж Энни – судья, он вас всех посадит! Ясно? Будете вместе сидеть.

– Не будут, – возразила я, – в тюрьмах мужчин и женщин

отдельно держат.

– Вы же разрушите мою семью! – взвыла миссис Грин.

Я лишь пожала плечами.

– Злонравия достойные плоды.

Красивая, оказывается, фраза. Вот только не помню, из Грибоедова или Фонвизина?

На этом эпопея о слепом меценатстве жёнушки банкира не закончилась. Не теряя времени, я заставила миссис Хант отправиться со мной в ближайший продуктовый магазин. Нелепо звучит, но наличных денег у нас с собой было немного, поэтому гуманитарная помощь вышла мизерной. Хлеб, чай и сыр. Ладно уж, всяк лучше той бурды с мухой вместо мяса. Как-нибудь до завтрашнего дня ребята протянут, а там и реальная помощь нагрянет. Эх, были бы тут мобильные телефоны, дело бы гораздо быстрее пошло!

Когда мы вернулись в приют с гостинцами, миссис Грин с каким-то мужиком на повышенных тонах обсуждали позицию защиты. Главные двери были, как ни странно, закрыты, но меня это ни капли не смутило: мы с миссис Хант и Томом обошли здание и зашли внутрь через чёрный вход. То ли Грины такие растыки и забыли запереть всё, то ли просто подумали, что люди нашего уровня понятия не имеют об альтернативных дверях.

Директор приюта мне не понравился ещё больше его противной супруги, несмотря на то что выглядел более или ме-

нее презентабельно. А его костюмчик просто выбешивал! Чистенький, новенький, и как ведь не стыдно одевать детей в рванину!

Я думала, что он погонит нас поганой метлой, однако мистер Грин, как ранее его жена, решил продемонстрировать нам свои актёрские качества. Такие же хреновые. С деланным безразличием на лице стал впаривать, что мы не так всё поняли, будто это временное помещение и что скоро достроят новое, где всё будет ништяк и бла-бла-бла.

А вот нефиг мне мозги пудрить! Дети и вправду грязные и голодные, так что не надо мне доказывать, что вся ситуация не более чем сюжет для ситкома!

Домой мы поехали только после того, как воспитанников гадского приюта накормили бутербродами с чаем. Никогда не считала себя сентиментальной фиалкой, но у меня глаза пощипывало от невыплаканных слёз при виде счастливых мордашек. Как их жизнь потрепала, раз скромное угощение для них – целый пир?

Нельзя просто уйти и забыть об этом. Я возьмусь за это дело лично!

Весь оставшийся день мы с миссис Хант разрабатывали план спасения сирот. Для начала в тезисах наметили дальнейшие действия: закупка продуктов и вещей первой необходимости, обеспечение средствами для гигиены или, как вариант, раз в неделю поход в общественную баню, уборка и ремонт, наём воспитателей и так далее. Конечно, самым лёг-

ким способом было бы добиться расформирования приюта, но тогда не было бы гарантии, что дети не попадут в такие же условия.

Я проследила за тем, чтобы миссис Хант более правдиво написала послания своим подружкам-меценаткам, и только после этого успокоилась. Думаю, мы с ней обе извлекли уроки из этой истории. Если уж брать на себя ответственность, то на все сто процентов, а не абы как. А то какая это ответственность получается?

Узнав о наших похождениях, мистер Хант неожиданно воодушевился. Нет, он не собирался с высунутым языком бегать по инстанциям, его всего лишь обрадовало то, что Бен, то есть я, проявил смекалку и показал, что ему можно доверять. Мол, раз все эти прежние качества проявились, значит, и память скоро вернётся.

Фух, теперь можно с чистой совестью вернуться к хоббиту и гномам.

Глава 5. О вкусной и полезной пище

«Смею заверить, что как дворецкий Хопкинс порядочен, пунктуален и не обделён изысканностью манер».

Отрывок из рекомендательного письма, написанного самим Хопкинсом

Я была готова на стенку лезть.

В доме Хантов было невозможно умереть от голода. Помимо завтрака, обеда и ужина обязательно имели место ланч и тот самый «файв о'клок», о котором рассказывают в школах на уроках английского языка. Причём эти промежуточные приёмы пищи мало чем отличались от других. В качестве перекуса могли запросто подать копчёную рыбу, жареное мясо или пирог с почками. Я не сильно разбираюсь в полезном питании, так как по жизни «кусочница» – тут схвачу, там погрызу. Более того, меня дико бесят нравоучения вроде «Поешь суп!» и «Возьми хлеб!». И всё-таки меню Хантов не казалось мне идеальным, невооружённым глазом было видно, что еда обильная и тяжёлая. Так что передо мной стояла трудная задачка – нормально накормить тело взрослого парня и при этом не обожраться. В местных лекарствах я разочаровалась давно и надолго.

И мне хотелось жрать. Нет, не жрать, а кушать. Или лучше пожалобней: «Ку-у-ушать».

Не нужны мне ваши английские разносолы! Хочу нормальной еды!

Пюрешку с сосисочкой... Окрошечку с квасом... Спагетти с корейской морковкой и майонезом...

И жечь как хочется шоколадных батончиков и чипсиков.

А я ещё прикалывалась над сидящей на диете Скай, когда она жаловалась, что ей снятся вкусняшки.

Я заставляла себя думать о другом. О доме. О своём настоящем теле. О дурацкой выставке, из-за которой очутилась здесь. О сиротах, в конце концов. Они чёрный хлеб за обе щёки уминали и не ныли, как я, из-за мечты о шоколадном мороженом!

Утром настроение было окончательно испорчено бритём. И так не люблю эту процедуру, а тут пришлось поднести заточенное лезвие к лицу! Бр-р-р... То и дело перед глазами мелькали кадры из фильма Бёртона «Суини Тодд, демон-парикмахер с Флит-стрит». Там Джонни Депп своих клиентов такой же штукой... того. Ну хоть не порезалась, уже повод для гордости.

А зачем вообще гордиться? Я же не собираюсь всю оставшуюся жизнь провести в мужском теле. Наигралась уже, хватит.

Отправьте меня домой!

Или я застряла? Навсегда...

И что мне остаётся кроме того, как научиться быть Беном? Вызубрить банковские термины и местные правила этикета. Подстроиться под чьи-то привычки... А мне этого не надо! Я хочу быть собой и видеть вокруг своих родных и друзей. Не зря же я, наверное, имела счастье родиться в двадцать первом веке, а не в каком-то ином. Я просто не создана для старой Англии.

Или придётся смириться с тем, что всё произошло случайно и никакого квеста, который мне нужно сделать для возвращения, нет?

Мысль о ловушке убивала меня.

Мной овладела такая апатия, что я не увязалась за миссис Хант, когда та поскакала по своим подружкам, стремясь повысить уровень их общей благотворительности.

Иногда надо уметь быть эгоисткой. У меня проблемы хуже некуда, и мне не нужно цепляться за чужой мир. Может, поплакать, так, по-девичьи?

Не, я не плакса. Лучше попробовать найти себе вкусняшку. Тогда точно полегчает.

Я пришла на кухню и не успела приступить к поиску еды, как мои вниманием завладел небольшой деревянный ящик, расположившийся на столе. Хоть бы там были фрукты!

Стянула с ящика небрежно брошенный кусок ткани.

– Зайки!

Захлёбываясь от нахлынувшего счастья, я вытащила на-

ружу тяжёлого бурого кролика. Такой кавайный! И носиком шевелит! Ми-ми-ми!

И второй моську вытянул, тоже ласки захотел.

Блин, сейчас по закону подлости кто-нибудь зайдёт и будет мне мешать. Нет, этому не бывать!

Следующие несколько минут я пребывала в нирване. Мы с Тоби выгуливали кроликов у дома, и мне даже удалось подружить щенка с потенциальной дичью. Сначала бурая парочка не разделяла его восторга от знакомства, а потом ничего, втянулись.

Жаль, у Хантов нет нормального сада. Так, клочок газона у дома. Бедному Тоби порезвиться негде, и теперь ему ещё предстоит делить пространство с двумя упитанными кролями. Ну ничего, в тесноте да не в обиде.

А пушистиков, по-видимому, сегодня не кормили, вон как траву лупят.

– Караул! – невдалеке заголосила какая-то баба. – Украли!

Мы с Тоби одновременно развернулись и увидели, как на задний дворик выбегает незнакомая особа в чепце и фартуке.

Интересно, что украли-то? Аж не терпится примерить на себя роль детектива!

Я окликнула её:

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

Та, подхватив юбку, понеслась к нам.

– Батюшки! Мистер Хант, зачем вы взяли моих кроликов?

Пауза. Варя в капле.

Чуть оправившись от шока, я скосила глаза на активно жующих газон зверюшек.

– Что ж вы делаете? Неужели вам так срочно понадобилось натаскать своего пса? – Мне почудилось, будто женщина старается кричать как можно тише, чтобы не оскорбить своим поведением хозяина. – Вы меня простите, конечно, но у меня же всё расписано! Всё-всё рассчитываю! Не будет хоть одного ингредиента, и всё пойдёт насмарку. А вдруг я бы не успела к обеду?

А, так она, выходит, кухарка. Никогда бы не подумала, ведь представительницы этой профессии мне представлялись исключительно толстыми и с красным лицом от вечно стояния у очага (так как плиты в доме не было и её покупка не планировалась в ближайшие сто лет). Кухарка Хантов была вполне себе обычной, без каких-либо ярких черт.

– Это ваши кролики... – начала я, как студент, зацепившийся за слова экзаменатора.

– Не то чтобы мои, – женщина немного сбилась с воинственного настроения. – Они ваши, а готовить-то их мне надо. А они ещё не ободранные, не потрошённые. Ладно, их Кейт обдерёт и распотрошит, но самая ответственная часть всё равно на мне... Сэр, ваше рагу удирает, ловите!

Я дёрнулась и, грохнувшись на бок, схватила беглеца. У, какой шустрый! А с виду не скажешь...

Рагу.

– Подождите, так же нельзя. Они же живые!

– Не беспокойтесь, из вашей тарелки они не выпрыгнут.

А теперь кладите их в коробку и несите обратно.

Я прижала к груди обоих кроликов.

– Не отдам!

– Бросьте, что за глупости? Конечно, отдадите и ещё благодарны мне будете за вкусный обед.

– Я не дам вам их убить!

– Да что вы, в самом деле! Я же не собаку вашу потушить с овощами задумала.

Тоби запрокинул голову и горестно завыл.

– Сэр, вы же не носите траур по каждой съеденной курице? Это еда, и по ней плакать не надо.

Не спорю, кухарка была права. Я люблю мясные продукты и ни за что от них не откажусь, но я же дитя каменных джунглей! Мне нет дела до того, что куриная ножка с золотистой корочкой когда-то была в перьях и вполне себе бегала. Или топталась на месте, как там их на птицефабриках выращивают? Короче, я бы и этих кролей схарчила за милую душу, если бы не увидела их живыми.

И всё равно не отдам. Хотя руки под их тяжестью уже готовы отвалиться.

– Тогда скажите мне, зачем вы развели этот зоопарк? – я была просто в отчаянии. – Почему на кухне были животные, а не дохлые тушки? Это даже негигиенично!

Женщина со вздохом покачала головой.

– Простите мою дерзость, только в готовке я побольше вас разумею. Так мясо свежее будет. Сейчас жарко, всё портится быстро, если вовремя не использовать.

– Я не позволю вам совершить убийство! Пушок и Шустрик будут жить!

– На крестины позвать не забудьте. И мне это надоело! Без них мне придётся придумывать другое блюдо для обеда, а у меня продуктов в обрез, я же экономлю.

Я выпустила кроликов, потому что они стали рваться на волю и держать их было уже невозможно.

– Признаю, мой косяк. Давайте я предложу вам альтернативу и помогу с готовкой, а животинок обижать не будем?

Сказать проще, чем сделать.

В кулинарии я почти ничего не смыслю. Максимум, на что я способна, это сделать омлет, пожарить бутерброд в микроволновке и приготовить нетрудную закуску вроде рулетиков из лаваша с крабовыми палочками. Сварганить пирог или утку по-пекински мне слабо, я даже духовкой пользоваться не умею.

Вот я людей подставила... Да ещё вызвалась всё исправить. А ломать, как говорится, это вам не строить. И о кроликах теперь придётся позаботиться, как будто мне того приюта мало. Что же делать?!

Кухарка миссис Девидсон показала мне тетрадь с меню и рецептами, которую исправно вела, подходя к работе со всей

ответственностью. Потом продемонстрировала имеющиеся продукты. Я, как идиот, тыкала в них пальцем и предлагала провести рокировку, что миссис Девидсон воспринимала в штыки. К овощам она была почти равнодушна, а вот к мясу отнеслась, пожалуй, слишком ревностно. У неё, мол, ничего лишнего нет.

– Думайте, думайте. Времени мало остаётся, – мстительно сказала кухарка.

Я в который раз проглядела написанное убористым почерком меню.

– А что, если вы говядину для ужина не запечёте, а отварите? Тогда бульон сгодится на суп, да и для здоровья так полезней.

– Посоветуйте конкретное блюдо. Мне некогда фантазировать, давно пора к приготовлению ланча приступить, а мы с вами языками чешем. И учтите, простой бедняцкий суп, куда брошено что под руку попало, ваших родителей не устроит.

– Так зачем бедняцкий? Давайте борщ сварим. Он вкусный, выглядит красиво и... экзотический.

Я вкратце поведала о заморском кушанье и, что вообще зашибись, получила одобрямс.

– Хорошо. Хм... Капусты у нас мало, а свеклы совсем нет. Я её редко куда кладу. Дайте Кейт денег, она сбегает на рынок. Вот мясо бы я ей покупать не доверила, а нормальные овощи от гнилых она уж как-нибудь отличит.

Девчонка лет шестнадцати спешно закончила драить сковородку и с любопытством в небесно-голубых глазах подскочила к нам. Была бы собачкой – завиляла бы хвостом, показывая свою готовность выполнить любое поручение.

– Я пойду с ней. Вместе всё купим, – заявила я.

Миссис Девидсон усмехнулась:

– Даже так?

– Мужик сказал – мужик сделал! Обещаю, я принесу вам самую лучшую капусту и свеклу во всем Лондоне!

Наскоро собравшись (без пиджака и шляпы местные меня точно бы приняли за сумасшедшего), я отправилась на рынок. Моя спутница предложила мне идти чуть поодаль, чтобы люди не думали, что мы вместе.

Ох, похоже, Кейт из того же монастыря, что и горничная сэра Эндрю.

Я попыталась прощупать почву.

– Боишься, что я тебя обижу?

Она отвернулась от меня, уставившись в пустую корзину. Напряжённо сжала её ручку.

– Так будет правильно. Сопровождать джентльмена не может такая, как я.

– Слушай, оставь ты это мракобесие. Нормальная ты. Если хочешь знать, мне не стыдно с тобой идти.

– Люди могут не то подумать...

– А мне пофиг на людей, и им должно быть на нас пофиг. Нечего совать нос не в своё дело.

Девчонка не стала со мной спорить, и несколько минут мы с ней вообще не разговаривали.

В городе было по-прежнему многолюдно и шумно. Туда-сюда раскатывали экипажи, повинуюсь только им понятным правилам дорожного движения. Пешеходы отличались контрастной разномастностью. Были как и нарядно одетые леди и джентльмены, так и личности весьма сомнительного вида. На перекрёстке, на углу булочной, надрывался пожилой волынщик, рядом с ним под заунывно-визгливую музыку неуклюже отплясывал явно нетрезвый товарищ. Через дорогу играл на флейте конкурент – паренёк в таком пыльном костюме, будто долго валялся в нём по земле.

Небольшая группа детей и взрослых толпилась у аляповатой будки, в широком окошке которой уродские куклы, дико вереща, колотили друг друга палками и дубинками. Ребяшня просто покатывалась со смеху, глядя на представление местного Петрушки. Ой, детки, вы ещё мультики не видели...

– Куда красивый джентльмен так спешит? – цыганка выросла передо мной, словно гриб после дождя. – Дай ручку, золотой. Сара тебе всю правду расскажет.

С цыганами нельзя разговаривать. Надо, не раздумывая, пробегать мимо...

Не успела я прийти в себя, как моя рука оказалась сжата в цепкой смуглой лапе.

И в глаза им нельзя смотреть. Мою однокурсницу одна такая ромала заставила отдать все деньги из кошелька и золо-

тые серёжки с колечком.

Глаза цыганки были почти чёрными, ресницы – длинными и густыми на зависть всем красавицам. Я даже морщинки на уголках как следует разглядела.

Отвернуться. Надо отвернуться!

Однако и тут меня опередили. Она вдруг заткнулась на полуслове и с воплем «Дьявол!» понеслась прочь.

Что? Она меня испугалась?

Да они же народ чувствительный к сверхъестественному!

– Подожди! Вернись!

Я рванула за ней в погоню. Наперёд скажу, что неудачно. Выцветшая шаль цыганки быстро пропала из поля зрения, да ещё меня, к ужасу Кейт, чуть не сбил кеб.

Ну что ж. «Прощай, цыганка Сэра».

– Мистер Хант, что же вы делаете! – Запыхавшаяся от бега девушка смотрела на меня больше с испугом, чем с раздражением. – Вы же чуть не убились!

– Мне надо было её догнать...

– Ах! Карманы, карманы проверьте!

Ясновидящая Сара явно облажалась, не тронув вещи Бена. Часы и портмоне с деньгами были в целости и сохранности.

– Платка нет, – замогильно прошептала Кейт.

– А?

– Она украла ваш платок!

Что за бред! Кому и зачем может понадобиться воровать

чужие платки?² Так срочно высморкаться понадобилось?

– Да забей. У меня не было с собой платка. Я хотел... хотел понять, почему она меня испугалась.

Кейт заправила за уши курчавившиеся светлые прядки.

– Наверное, она увидела констебля и его испугалась, а не вас.

Ага, конечно. Вряд ли уличная гадалка со стажем будет в таком случае орать благим матом. Логичней было бы тихо-нечко смяться, разве нет?

На рынке я полностью доверилась Кейт. Она провела меня между рядами и сама выбрала подходящие овощи. Я расплатилась и, несмотря на вяканье служанки, сама понесла корзину с покупками.

– Не надо, сэръ! Вы будете глупо выглядеть.

– Я буду выглядеть как сволочь, если леди будет вместо меня таскать тяжести.

Девчонка в который раз за день посмотрела на меня с недоумением.

– Что вы! Как я могу быть леди, я же всего лишь прислуга.

Упс. Промахнулась. А я-то считала, что любая женщина здесь леди. Типа как гражданка или что-то вроде этого.

Я попробовала выкрутиться.

² Самой лакомой добычей карманника были часы. От денег, разумеется, тоже не отказывались. Но и платки были в почёте, потому что их было легко продать старьёвщикам. Инициалы бывших владельцев и прочие вышитые метки спарывались.

– Но ты же не будешь всю жизнь мыть полы в чужих домах.

– Мне придётся всю жизнь работать, потому что у меня никогда не будет богатого мужа. А женщина, которая работает, не может быть леди.

Ну, блин, люди, так нельзя! Двадцатый век не за горами, а у вас тут средневековый домострой. Одну чуть замуж насильно не отдали, другая думает, что жизнь кончена. Ещё чуть-чуть, и я начну тихо ненавидеть мужчин!

Чтобы как-то загладить вину хотя бы перед миссис Девидсон, купила у девочки-торговки свежий цветок. Кухарка посмеялась над моим подношением, однако приняла его и поставила в стакан с водой.

Моя помощь не ограничилась одним только походом за необходимыми ингредиентами. Я вызвалась помочь непосредственно с приготовлением борща, хотя до этого варила его всего раз в жизни. Скай любит готовить, и однажды мне пришлось быть её ассистентом в столь важном деле. В принципе, ничего сложного, особенно когда работаешь в команде под руководством опытного повара. Миссис Девидсон сначала скептически отнеслась к причуде «мистера Ханта», но быстро подобрела, увидев, как я ловко чищу картошку.

С момента нашего знакомства настроение кухарки заметно повысилось.

– Ох, мы с вами как три ведьмы из этого, как его...

– Из «Макбета», – подсказала Кейт, следящая за пережар-

кой.

Так, «Макбет», «Макбет»... Что-то знакомое. Шекспир, что ли?

– Читать любишь? – спросила я.

– Не читала эту пьесу, – с грустью вздохнула девушка. – В театре видела. Давно.

Наша культурная беседа была внезапно прервана появлением горничной. Та сообщила, что хозяйка ждёт Кейт в гостиной, и по-человечески с сочувствием добавила:

– Страсть как злится.

Бедная девушка нервными движениями вытерла руки о полотенце и, не сказав ни слова, пошла за порцией взбучки. Я бросила кромсать картошку и увязалась за ней. Что я, не смогу выгородить свою новую подружку? Тем более что так могло разозлить миссис Хант, если она только-только вернулась домой?

Атмосфера в гостиной была гнетущей, как на картине Решетникова «Опять двойка». Миссис Хант пребывала в таком смятении, что даже не сняла шляпки и перчаток, и теперь парилась в прямом и переносном смысле. Рядом с ней стоял дворецкий Хопкинс, мужчина лет тридцати пяти, напоминающий в своём чёрном фраке приболевшую ворону.

– Душечка, это же была моя любимая ваза! – воскликнула миссис Хант, едва увидев Кейт. – Итальянская, с Мадонной! Мне её муж подарил на именины одиннадцать лет назад. Я так дорожила этим подарком, и вот что ты, негодница, наде-

лала!

– Не понимаю... – еле слышно вымолвила служанка.

– Разумеется, вы ничего не понимаете, – каркнул дворецкий, – ваше дело аккуратно наводить порядок, а не разбираться в антиквариате.

Я отодвинула онемевшую от страха Кейт в сторону и вышла вперёд.

– Для начала объясните, что произошло.

Морщины на лбу Хопкинса как будто стали глубже.

– Она разбила вазу, которая стояла на консоли у окна. Антиквариат, между прочим, восемнадцатый век.

– Это не я, – по-детски пискнула Кейт.

Реально я ожидала от неё более возмущённой речи. Будь я на её месте, сразу бы дала всем понять, что ни фига не причастна.

– Да вы что? – я постаралась как можно натуральней изобразить удивление. – Ту самую, итальянскую? Которую папа подарил маме на именины?

У миссис Хант на глазах выступили слёзы.

– Дорогой, ты помнишь!

Ну конечно помню. Она же только что об этом сказала! Так, не отвлекаемся.

– А вы уверены, что это сделала именно она? В доме же есть другая прислуга. И ещё дети, собака...

Дворецкий гордо задрал горбатый нос.

– Я всё видел собственными глазами, а моим словам мож-

но верить.

– Можно, но не нужно, – я не стала затягивать спектакль, потому что девчонку начало мелко трясти. – Мама, нас опять обманывают. Кейт не могла разбить вазу. Как только она пришла на работу, я её взял с собой на рынок, чтобы она помогла мне кое-что купить. И потом вплоть до этой секунды мы были вместе, друг у друга на виду.

– Сэр, вы выбрали не лучший способ, чтобы добиться расположения этой девицы. Ваша клевета вас совсем не красит.

– Зато вам она подходит идеально, – огрызнулась я. – Врёте и не краснеете. Лучше скажите честно, вы очерняете девушку из-за того, что она отказала вам в близости, или вы решили свалить на неё вину за исчезновение ценной вещи хозяев, потому что она не может себя защитить?

– Полно вам, сэр. Возьмите себя в руки.

Я чуть ли зубами не скрипела от злости. На сто процентов уверена, что Кейт ни при чём, а эта сволочь во фраке пытается выйти сухим из воды.

– Повторяю, мы с ней ходили на рынок. Это было её первое поручение за день.

– На рынок? – очнулась миссис Хант. – Господи, сынок, что ты там делал?!

«...в таком злачном месте!» – мысленно добавила я.

Прежде чем ответить, я силой усадила служанку на диван. А то бедняжка совсем в ступор впала от происходящего, того и гляди в обморок брякнется.

– Не понимаю, что в этом странного. Утром я вспомнил, что когда-то ел борщ, и мне его вдруг захотелось. Вот безумно захотелось! Это суп такой, если вы не в курсе. Миссис Девидсон была так любезна, что предложила сварить его, но ей не хватало кое-каких ингредиентов. А я решил проконтролировать процесс.

Ну да, приврала чуток. Но ведь история про спасённых от смерти кроликов смотрелась бы ещё более неправдоподобно!

Ай да я, ай молодец!

Однако Хопкинс поспешил испортить мне малину.

– Миссис Девидсон определённо встанет на вашу сторону, так как побоится расчёта. Видите, в данной ситуации нельзя верить ни мне, ни вам.

Ах ты ж... Миссис Хант, может быть, поверит мне, я же исполняю обязанности её сына. Но если ваза была ей слишком дорога, я уж не знаю, что делать.

Настоящие детективы не пасуют перед сложностями. Нужно искать мотивы и улики. Потяну-ка за единственную верёвочку...

– Где осколки? – Я попыталась вложить в короткую фразу как можно больше смысла: «Покажи немедленно, не то в бубен получишь!»

Ответ меня не удивил. Выкинул. На этом можно было бы закончить расследование, так я ж настырная! Дактилоскопическую экспертизу я бы всё равно не провела, но у меня

больше не было идей, кроме как взглянуть на останки итальянского шедевра.

И когда я уже была готова у всех на виду сесть в лужу, ваза нашлась... в каморке дворецкого. Целая! Нет, Хопкинс не собирался таким образом украшать своё рабочее место, его явно привлёк материальный вопрос – на его столе, как по заказу, лежало несколько талонов с тотализаторов. О, боксом чувак интересуется. М-да, не доводит этот вид спорта до добра.

Не думала, что когда-либо признаю это, но моё расследование благополучно завершилось благодаря маменьке. Наученная горьким опытом, она настояла на обыске.

Сакральный смысл сего преступления дошёл до меня позже. Я ела борщ, и от расслабляющего чувства насыщения мой мозг стал думать более или менее логично, а не поддаваясь эмоциям. На первый взгляд дворецкий совершил тупой поступок, но по сути же гениальный. Спереть что-то в доме Хантов не так-то просто, у них вот серебро столовое помечено, на каждой ложке вензель «Н», Hunt то есть. Если будут нормально искать, всплывёт где-нибудь, или вообще никто не приобретёт у вора такое палево. А с вазой в этом плане проблем гораздо меньше.

Миссис Хант была на седьмом небе от счастья.

«Сын» «вспомнил» её любимую вазу и какой-то экзотичный суп.

Глава 6. Старый новый друг

«Зуб даю, их было пятеро!»

Из рассказа Стэнли Пронеры

Я уважаю чужие привычки ровно до того момента, когда мне пытаются их навязать.

Например, Скай не раз отчитывала меня за нежелание бегать по утрам в парке и называла ленивой ж... женщиной. То, что я и так каждое утро совершаю чемпионский забег по квартире с криками «Куда я это задевала?!» – для неё не аргумент.

А с Хантами я чуть не разругалась из-за воскресного похода в церковь. Ну зачем меня туда тащить, я даже некрещёная! Сходили бы сами и не трепали бы мне нервы. Так нет же, все по воскресеньям ходят в церковь, и я как бы должна. Я – не все! Уважайте мои религиозные чувства! Да-да, я не стопроцентный атеист, и в моём понимании человек должен осознанно и тем более по доброй воле идти в храм, а не тупо копировать действия толпы.

Битва была проиграна, едва начавшись. Я же не могла объяснить им свою точку зрения! Мнение приبلудной Вари их даже не заинтересует, я-то по-прежнему в чужом теле.

Моей душенькой овладело сладкое злорадство, когда я стала разглядывать лица прихожан. Ни одного счастливого.

Все какие-то утомлённые, нервные. Женщины по большей части пытались успокоить маленьких детей, которые во всеуслышание жаловались на жаркие костюмчики и колючие чулки, а те, кто пока говорить не научился, просто орали. Не легче приходилось мужчинам, по ним было видно, что они не так хотели бы провести выходной день. Даже выспаться у них не получилось.

Ну хотя бы стоять, как в наших церквях, не надо. Буду сидеть и представлять, что я на очень скучной лекции... Только на лекциях можно было читать книжки и рисовать, а тут придётся страдать по полной программе. Поскорей бы уже началась проповедь или как там это называется.

– У тебя такой вид потерянный, – шепнула Чарли, стоило мне сесть рядом с ней.

– Не узнаю это место. Считаю, впервые вижу католическую церковь.

Девушка шлёпнула меня по коленке молитвенником. Ой, кажется, крест из бисера на коже прям сквозь штанину отпечатается.

– Бен, при родителях так не скажи. Мы же англиканцы. Неужели ты и это забыл?

– Прости. Просто помню, что не православные.

Она не ответила. Жаль, если расстроилась, она же любит брата. Спасибо, что не вредничает, как Джон, и не причитает, как миссис Хант.

Вскоре к нам подсели остальные члены семьи. Как назло,

миссис Хант не придумала ничего лучше, чем приземлиться рядом со мной.

– Посмотри туда. Видишь, там мисс Даффи. Говорят, очень хорошая девочка. Как тебе?

И у кого из нас, спрашивается, проблемы с памятью? Как я пойму, кто из присутствующих дам мисс Даффи? Методом исключения? Убираем всех старых, мадонн с младенцами, Чарли, и вуаля – я найду хорошую девочку.

К счастью, мне не пришлось отвечать. К кафедре вышел пожилой священник, и голоса живо стали стихать. Даже детвора замолкла, словно этот персонаж внушал им трепет.

Так, на счёт «три» погружаюсь в чертоги разума. Местный батюшка не препод, прикапываться ко мне по мелочам не будет.

Столько всего предстоит обдумать... Сегодня надо поехать в приют, проверить обстановку. Со слов миссис Хант, им теперь занимаются серьёзные люди, но у меня уже паранойя развивается из-за повсеместного обмана. Не успокоюсь, пока лично всё не проконтролирую.

А нужно ли мне это? Мне ж домой надо. В теорию квеста я давно верить перестала, так что неважно, совершу я двенадцать подвигов или нет, всё равно чуда не произойдёт. Вывод: стоит поискать чудо самостоятельно. Не зря же цыганка что-то во мне разглядела. Это значит, мне предстоит найти человека, обладающего сверхъестественными способностями и необходимыми знаниями. Эх, был бы со мной Данька,

он рассказал бы мне не одну древнеегипетскую легенду. Да что я несу! Братишка поумней меня, однако он всё-таки ребёнок, а желать ребёнку участи, подобной моей, грех. О, вот и слово из проповеди выцепила.

Почувствовав, что тело без движения начинает деревенеть, я немного поёрзала и украдкой посмотрела по сторонам. Кто-то смотрит священнику в рот, кто-то изучает свои колени. Я чисто из любопытства заглянула в открытый молитвенник Чарли и чуть не прыснула от смеха: девушка втихаря читала не религиозный текст, а роман. На его страницах красочно описывалось, как пиратский корабль терпит крушение в ужасный шторм. Чарли внезапно оторвалась от чтения, слегка повернула голову в мою сторону, и мы обменялись понимающими улыбками.

– Пригодилось мамино рукоделие, – тихо-тихо шепнула Чарли и погладила бархатную ткань обложки.

Я чуть не хрюкнула от смеха. Рукоделие миссис Хант – это катастрофа, равносильная стихийному бедствию. Раньше, когда я видела в социальных сетях посты на тему «Как сделать из пивных пробок картину» или «100 500 способов красиво сложить салфетки», то искренне недоумевала, кому это нужно. Будь мама Бена завсегдатаем «Контакта» и «Одноклассников», она бы весь этот кошмар воплотила в жизнь. В свободное время (а его у неё было много) она вышивала, вязала, занималась пэчворком, а вчера вечером села в гостиной сооружать собор Святого Павла из птичьих косточек. И

делала она всё как утка – плохо. Вроде и ходит, и плавает, и летает, а результат не такой, чтобы все ахнули. Один из её шкафов похож на филиал музея программы «Поле чудес», я в первый раз даже подумала, что это детские поделки. А вот и нет, сама мадама развлекается.

Ладно, нечего время зря терять. Раз домой я сегодня вряд ли попаду, надо подумать над репертуаром сказок на ночь. Несмотря на то что я в классического «Хоббита» впихнула Леголаса и джексоновскую Тауриэль с Кили, история подходила к логическому концу. Или не совсем логическому, потому что по велению левой пятки я решила обеспечить влюблённой парочке хеппи-энд. «Властелина колец», наверное, не буду трогать, а то в моём исполнении эта «Санта-Барбара» на годы растянется. Пора подумать, как адаптировать «Гарри Поттера», хотя бы первые две-три книжки...

О-о-о, когда же эта нудистика закончится? Мне уже душно и хочется размяться.

А может, помолиться, пока есть возможность? Я, правда, не умею...

За следующие несколько минут я так и не выучилась этой премудрости. Все мои неуклюжие попытки обратиться к Богу больше подходили для письма Деду Морозу: «Хочу домой», «Я буду хорошо себя вести» и всё в таком духе. Лучше не буду позориться.

Что? Дядечка за кафедрой замолчал, и все расходятся? Ура!

Не обращая внимания на кудахтанье миссис Хант, я едва ли не бегом ринулась к выходу. Свобода, наконец-то!

– Что это с тобой? – Рядом со мной на пороге церкви нарисовался Джон. – Побежал, как чёрт от ладана.

– Тебе какое дело?

– Видишь ли, меня немного беспокоит то, что мой прежде любезный брат начал грубить...

– Твой нынешний брат – идиот, который постоянно забывает, что такое «вексель», так что расслабься, наследничек.

Прежде чем ответить на мой выпад, Джон довольно долго разглядывал меня, словно пытался понять, стоит ли прибегнуть к помощи экзорциста.

– Раньше ты был редкостным занудой, однако общаться с тобой было приятней. Хочешь послушать мнение со стороны?

Я благосклонно кивнула.

– Валяй.

– Не скрою, меня всегда раздражало то, что тебя вечно ставили мне в пример. Это унижительно для старшего. Руки чесались тебя избить всякий раз, когда родители говорили, что ты, в отличие от меня, делаешь успехи в учёбе и радуешь их примерным поведением. Но сейчас я смотрю на тебя и испытываю тошнотворную жалость. И знаешь, почему? Я не узнаю тебя. Я вижу перед собой человека с внешностью Бена, но ты – не Бен. Ты некое примитивное существо, схожее манерами с собакой.

Оу, и как мне реагировать на сей комплимент? По-братски по морде заехать или со слезами броситься жаловаться мамочке?

Хе. А с кем бы он меня сравнил, если бы знал обо всех моих чудачествах за последние дни?

Я скрестила руки на груди, как бы стремясь обуздать оскорблённое чувство собственного достоинства.

– Всё сказал? – мой голос прозвучал на удивление строго. – У примитивного существа ещё много дел. Примитивное существо занимается обустройством детского приюта и будет очень благодарно, если ты также примешь в этом участие. Труд сделал из обезьяны человека, может, и из тебя что-то путное выйдет.

Джон сделал вид, что не обиделся на колкость. Оно и понятно, ему и обезьяной неплохо быть.

– Что-то от тебя прежнего. Привычка давать советы.

Мурлыкая под нос незнакомый мне мотивчик и мерно постукивая тростью, он пошёл вдоль по улице. У него под ногами путались суетливые воробьи, но он и не думал их обходить, как остальные прохожие. Пташки отпрыгивали от парня, возмущённо чирикавая, а он всё шёл дальше с естественной грацией человека, привыкшего жить по своим правилам.

Дома нас ожидал сюрприз. Нет, не так. Меня ожидал сюрприз.

Горничная Джейн сразу доложила о визите гостя, которо-

му не осмелились предложить прийти тогда, когда вернутся хозяева. Он якобы был приглашён Беном именно к этому времени.

Мистер Хант, ворча, удалился в свои покои, а его супруга повела детей переодеваться. К счастью, Чарли не бросила меня. Вместе будет легче отшить ненужного гостя.

В гостиной незнакомый мужчина играл с Тоби. Я даже ощутила укол ревности, глядя на то, как пёсик лижет ему руки и виляет хвостом. Заметив наше присутствие, гость поспешно поднялся с колен. Совершенно без смущения, с улыбкой, оставшейся от игры.

И тут, как пишут в любовных романах, «наши глаза встретились».

В подсознании играет песня Roxette «Listen to your heart». В первом кадре, в режиме слоу-мо, я с лёгкими макияжем, в лёгкой, почти воздушной блузе и с развевающимися на ветру волосами. В следующем – он. Красивый синеглазый шатен с открытым лбом и притягательными нежно-розовыми губами.

Эй-эй-эй! Я сейчас в мужском теле, и мне нельзя стрелять глазками.

– Простите, я вас не узнаю, – с искренним сожалением от порушенных мечтаний ответила я на его приветствие.

– Брат недавно получил травму головы и страдает провалами в памяти, – пришла мне на выручку Чарли. – Будьте добры, представьтесь.

– Охотно, – незнакомец немного пригасил улыбку. – Освальд Тёрнер к вашим услугам. Очень сочувствую вашему несчастью и приношу глубочайшие извинения за столь бесцеремонное вторжение. Если моё присутствие неуместно, я без обид покину ваш дом.

Чарли уставилась на меня с невысказанным вопросом во взгляде. Право выставить приятеля Бена за порог предназначалось мне.

– Остайся. Мне как раз нужен тот, кто поможет всё вспомнить.

Сказала и тут же мысленно отругала себя. У меня же был совсем другой план действий, мне надо найти человека, который поможет вернуться в двадцать первый век, а не цепляться за жизнь Бенджамина Ханта.

И всё из-за того, что этот Освальд Тёрнер на миг вскружил мне голову.

– Я был бы рад оказаться вам полезен в этом деле, но, увы, ничего не обещаю, – виноватым тоном ответил он. – Мы с вами познакомились недавно, и я о вас почти ничего не знаю.

Блин, он что, так вежливо отказывается? Так же, как Джон, не хочет иметь дело с психом?

Бедная я, несчастная!

– Да, у меня проблемы с памятью, но в целом я нормальный. Я не ем землю и не вою на луну по ночам.

– Отрадно слышать, – повеселел гость. – По крайней мере, ваше чувство юмора никуда не делось. Не хотелось бы

прерывать наше общение, вы мне с первого взгляда очень понравились.

Супер, я ему нравлюсь! Как здорово, у меня словно выросли крылья... Ой, я же парень. Освальд сбежит, сверкая пятками, если заподозрит во мне гея.

Убедившись, что незнакомый джентльмен достоин моей компании, Чарли покинула нас. То ли он не произвёл на неё такого впечатления, как на меня, то ли она посчитала, что навязываться к мужчинам неприлично. Позже у неё спрошу, поболтаем по-девичьи.

– Значит, вы не отрицаете, что мы знакомы, – сказал Освальд, усаживаясь в кресло и закидывая ногу на ногу.

– Зачем мне это отрицать? Я даже родственников с трудом узнаю.

Ну вот, опять потеряла бдительность. Мы с Хантами договорились не кричать о потере памяти на каждом углу, чтобы избежать порочащих репутацию семьи сплетен.

Чувствуя неловкость, я села на диван и рассеянным движением погладила Тоби.

Да что со мной такое? Никогда раньше не смущалась при мальчиках! Да и не влюблялась, если честно...

– Бенджамин...

– Бен. Называй меня так, ладно? Мне так спокойней.

– Хорошо. Тогда и ты сделай кое-что для меня.

– Что же?

– Называй меня Озом. Так будет честно.

Мы с ним точно подружимся! Второй адекватный человек после Чарли в этом дурдоме!

Узнав, что Оз сын пэра, мистер Хант проявил к нему благосклонность, пригласив присоединиться к нашей трапезе. Серьёзно, не могу сказать, кто такой пэр и чем занимается. В школе топик про политическую систему Великобритании был у меня на втором месте по нелюбимости. Первое занимал топик «Environmental protection».

Миссис Хант тоже осталась довольна Озом. Она пребывала в непоколебимой уверенности, что её хороший мальчик Бенни просто не может связаться с негодяем. Если бы её вовремя не одёрнул муж, она бы ещё долго заливалась соловьём, вгоняя окружающих в краску. Зато Чарли по большей части молчала и поддерживала беседу слишком вяло. Неужели стушеввалась перед незнакомым мужчиной?

Ну хорош ведь, как с картинки! А какие у него манеры: держится уверенно, но при этом не вызывающе. Я уже хочу познакомить его со своей мамой!

Да что же это... В любом случае я не смогу взять его с собой, так что придётся держать себя в руках.

А он как будто специально меня дразнит. Взял и сам навязался поехать со мной в приют. Видите ли, его сильно впечатлил рассказ миссис Хант о моих добрых делах. А я чего? Мне с ним будет веселей.

В приюте всю кипела жизнь. Мужчины и женщины, на-

нятые подружками миссис Хант, наводили чистоту и порядок. Дети, которых я поначалу не узнала, от них не отставали. Никто без дела не сидел, даже самые маленькие помогали и, судя по их довольным мордочкам, работали они не из страха получить палкой по спине.

При виде этой картины у меня аж от сердца отлегло. При всём моём оптимизме я опасалась увидеть безлюдное здание или то же, что и в прошлый раз.

В первую очередь я прошла на кухню и приятно удивилась переменам. Вонючий запах, к сожалению, до сих пор нормально не выветрился (видимо, въелся во всё, что можно и нельзя), зато теперь было более или менее чисто. Женщина лет сорока с убранными в строгую причёску волосами самозабвенно занималась варкой горохового супа. Услышав наши с Озом шаги, она отвлеклась от своего занятия и, не дожидаясь вопросов, показала продукты и даже предложила снять пробу. Я поверила на слово: во-первых, побоялась обжечься, а во-вторых, аромат из кастрюли говорил сам за себя. Следующим пунктом я проверила спальные места.

– Ну хоть бельё новое, – резюмировала я.

– Это только начало. Рим не в один день построили, – подбодрил меня Оз. – Скоро это место будет не узнать. Хм, знаешь, я раньше не отличался тягой к благотворительности, однако сейчас не могу удержаться.

– Отлично! Пойдём с уборкой поможем, там ещё работы непечатый край.

В глазах Оза появились искорки азарта.

– Два джентльмена будут на виду у всех работать руками?

– А чем же ещё? Или они у тебя чтобы перчатки носить?

Не, а чё? Малявки пашут, а мы, два здоровых мужика, будем прохлаждаться? Вот фигушки.

Я за нас обоих решила, что нам лучше заняться уборкой территории. Нечего малышню туда пускать, ещё стекло какое-нибудь найдут и порежутся. Долговязый парень с обветренными губами и загорелыми руками поразился таким помощникам, однако всё же обрадовался, и следующие полчаса мы втроём разгребали мусор во дворе. А мусор здесь, по ходу, годами копился.

– Ох, и куда же это девать? – простонала я, когда мы набили доверху ещё один кособокий ящик.

– Так отдать можно, – подсказал парень.

– Это? – Я с сомнением оглядела ящики, из которых торчали деревяшки, куски старой мебели и обломки кирпичей. – Да кому это говно нужно?

Тот цыкнул языком.

– Если подождёте чуток, всё сделаю.

– Ну-ну. Делай.

Примерно через пятнадцать минут у ржавой изгороди приюта появились несколько бомжей. Видя, что их привёл наш работничек, я разрешила им зайти. Как он мне чуть позже объяснил, нищие могут сдать весь хлам куда-то за деньги. На вторсырьё или что-то вроде. Вот и чудненько: у нас чисто,

и у этих бедолаг небольшой заработок.

Я отошла от ящиков на почтительное расстояние, так как пахло от товарищей далеко не розами, да и их увлечённое копание в мусоре возбуждало брезгливость. А они, наверное, только так и зарабатывают на жизнь – вон, у каждого по корзине разной степени изношенности.

– Давно у меня не было такого весёлого воскресенья. – Обтерев ладони платком, Оз смял его и швырнул в один из ящиков. – Каждый раз одно и то же. А тут новые места и новые знакомства.

– Нам бы телешку. Полегше тащить будет, – прошамкал босяк, обряженный в ветхий сюртук с оттопыренными карманами. И пальцем на нашу тачку указал.

Я категорично покачала головой.

– Нет, господа хорошие, уж как-нибудь сами. Упрёте нашу тачку, и ищи-свищи вас.

– Бен, ты строгий руководитель, – отметил Оз.

– Будешь слишком добрым, и тебе на голову сядут.

– Лучше и не скажешь.

Оз снял с ветки квёло растущего дерева свой пиджак и, встряхнув его, оделся. Я поняла намёк и последовала его примеру. Пора и честь знать.

– Извини, ты ведь не на такую встречу рассчитывал.

– Не буду лукавить, я думал, всё пройдёт иначе. Зато впечатлений теперь на всю оставшуюся жизнь хватит.

И не сердится же. Точно воспринимает недостойное для джентльмена времяпровождение как прикол. Вот, а говорят, все англичане чопорные снобы. А Оз только на первый взгляд кажется недоступным идеалом. Правда, не совсем вникаю, зачем он с собой таскает короткую тросточку. У Джона и то посерьёзней аксессуарчик будет. Эх, понты, такие понты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.